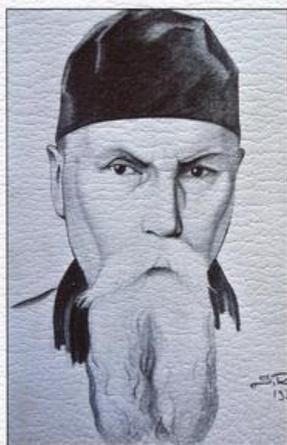

Алексей АННЕНКО

С РЕРИХАМИ, В ЭКСПЕДИЦИИ

80 лет
Пакту Рериха и Знамени Мира

Н. К. Рерих. Pax Cultura. 1931 г.

Алексей АННЕНКО

С РЕРИХАМИ, В ЭКСПЕДИЦИИ

Абакан
2015

УДК 82.6
ББК 92.2.(2Рос.Хак)
А 68

*Хакасское республиканское отделение
Русского географического общества*

Анненко А. Н.

А 68 С Рерихами, в экспедиции (80 лет Пакту Рериха) /
Алексей Анненко. — Абакан: Бригантна, 2015. — 52 с.: ил.

Книга посвящена 80-летию Пакта Рериха и Знамени Мира, деятельности в период Маньчжуро-Монгольской экспедиции выдающегося художника, мыслителя-гуманиста Н. К. Рериха и его сотрудников харбинского этапа (1934-1935 гг.), впоследствии — жителей Хакасии.

Впервые публикуются воспоминания участника рериховской экспедиции Н. В. Грамматчикова в письмах к А. Н. Анненко. В Приложении — «Восточная легенда» Н. К. Рериха, увидевшая свет в 1995 году в газете «Абакан».

Для широкого круга читателей.

УДК 82.6
ББК 92.2.(2Рос.Хак)

На обложке: С. Н. Рерих. Портрет Николая Рериха. 1937. Открытка из собрания З. Н. Чунихиной (Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова); Н. К. Рерих. Цаган-Куре. Внутренняя Монголия. Картон, темпера. 1936 г. Музей Николая Рериха в Нью-Йорке.

На фронтисписе: Н. К. Рерих в экспедиции (Внутренняя Монголия. Цаган-Куре). 15 апреля 1935. Над зданием — Знамя Мира. Фото Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

Все права охраняются, включая право на полное или частичное использование в какой бы то ни было форме.

РЕРИХОВСКАЯ МЕЛОДИЯ

В последнее время имя Николая Константиновича Рериха стало широко известным. Многие видели его картины, поражающие своими красками и необычностью сюжетов, знают о его жизни, наполненной путешествиями и свершениями.

Сейчас каждый может прийти в книжный магазин и купить альбом репродукций картин Рериха, или том его литературных произведений, или книги, в которых запечатлено Учение Живой Этики (Агни-Йоги), неразрывно связанное с именем русского мыслителя. И если вы этого ещё не сделали, и имя Рериха вам не знакомо, то, надеюсь, встреча с его творчеством всё равно состоится. А если не состоится, то всё равно существует влияние Рериховского наследия в России, как сферы современного общественного сознания. Так было не всегда.

В моей жизни эта встреча состоялась более сорока лет назад. И встречу мне подарил мой Абакан. В яркий солнечный день я зашёл в магазин «Кругозор» и в разделе литературы по искусству увидел большой зелёный альбом в белой картонной коробке «Николай Рерих». В эпоху страшного книжного дефицита! Где-то в моём мозгу шевелилась мысль: «Рерих — это хорошо». В детстве я любил рисовать, у меня были издания «Юному художнику», а однажды я упросил родителей купить мне номер взрослого журнала «Художник». На развороте была опубликована картина Рериха — «Заморские гости». Она поразила меня красками и необыкновенным чувством живого прошлого. Среди изданий, сохранившихся после наводнения в 1969 году, есть и этот журнал, побывавший в воде, покоробленный, со следами ила, но раскрывающийся на страницах с картиной Рериха. Кроме того, однажды в Томске, на книжной выставке, я видел книгу о Рерихе с цветными репродукциями. Это была ещё одна яркая отметина в памяти, позволившая, не колеблясь унести альбом домой. Мне повезло.

Не люблю пафоса и громких слов. Но в данном случае не могу не сказать, что это было судьбоносное событие в моей жизни.

Тогда я учился на отделении истории Новосибирского университета. Популярными в то время строки Маяковского о том, что юноше, обдумывающему жизнь, надо делать жизнь с товарища Дзержинского, меня не вдохновляли. В душе моей шёл поиск какой-то системной составляющей, которая бы стала своеобразной «красной нитью», основой, руководством к жизни в этом прекрасном и таинственном мире. Я много читал, изучал различные философские взгляды. Но в моём мировосприятии существовал хаос.

Этот альбом сыграл в моей судьбе роль ключа, с помощью которого я отворил дверь в Державу Рериха. Вступив в открывшееся мне пространство, я будто омылся мёртвой и живой водой. В Индии есть понятие — дваждырождённый. Оно относится к людям, которые из бессознательного существования переходят к сознательному бытию. Не буквально заново рождаются, а обретают средство к пониманию своего индивидуального пути. Этих путей

много, но хорошо найти, как пел Владимир Высоцкий, «свою колею», свою тропинку, свою мелодию жизни.

Ведь что такое мелодия? Это всего лишь упорядоченный сложно структурированный звук, взятый из звукового хаоса. Но этот звук обретает гармонию и этим противостоит хаосу. Так рериховская мелодия в моей жизни уже многие годы служит камертоном для понимания и действий...

А тогда, в 1972 году, я только начал свое знакомство с русским гением — Николаем Константиновичем Рерихом. Позднее я прочитал строки воспоминаний человека, близко знавшего художника: «Общение с Рерихом было равно посещению одновременно нескольких университетов...»

Точнее не скажешь. Даже те, кто «рериховские университеты» проходит «заочно», без счастья непосредственного общения, при соответствующем уровне прилежности, получают уникальную возможность познания в различных сферах человеческой культуры. Вершины духа, которые предстоит одолеть вольнослушателям «рериховских университетов», подпирают небесные дали. Путь «каменист», но он приносит незабываемые впечатления, открываются неведомые ранее горизонты...

И на этом пути я встретил многих людей, которые вместе с картинами и текстами Рериха, сделали меня таким, каким иду в этой жизни. Среди них я назову автора книги о Рерихе в «ЖЗЛ», мудреца Павла Фёдоровича Беликова и художницу из новосибирского Академгородка Эльфриду Васильевну Паршину. Я вспоминаю, как сказку, что пил чай с сыном Рериха — Святославом Николаевичем и его женой Девикой Рани, «первой леди индийского кино»...

Кажется, ещё недавно рядом, в Черногорске, жили люди, знавшие Рериха в тридцатые годы в Харбине, в Китае, где они жили тогда. Николай Васильевич Грамматчиков почти год был вместе с великим художником в большой экспедиции во Внутренней Монголии. Зинаида Николаевна Чунихина была членом харбинского «Содружества», покровителем которого был Николай Рерих. Она в середине пятидесятых годом привезла в Советский Союз Знамя Мира харбинского Русского Комитета Пакта Рериха. В Абазе жил другой участник экспедиции Рериха — Анатолий Андреевич Костин. Это были прекрасные люди, обогатившие мою жизнь незабываемыми душевными переживаниями.

В этом году — 80 лет со дня подписания Пакта Рериха и Знамени Мира. В Хакасском национальном краеведческом музее имени Л. Р. Кызласова юбилей отмечен выставкой «Знамя Мира над Хакасией (Пакту Рериха — 80 лет)». Пусть и эта небольшая книга, в которую вошли старые (1979 г.) и новые материалы, поможет вам обратить внимание на имя — Рерих. Как когда-то обратил я. Не пожалеете...

Апрель 2015 г.

«ДЛЯ СВОЕГО, ДЛЯ РУССКОГО НАРОДА...»

Выдающийся русский художник Н. К. Рерих последние годы своей жизни провел в Индии, в Гималаях. И ныне его имя пользуется там глубоким уважением. В январе начался отсчет 30-ой годовщины со дня провозглашения Республики Индии. Н. К. Рерих был одним из пионеров установления дружеских связей между нашими странами, ныне успешно развивающимися.

ГРЕЗЫ ОБ ИНДИИ

Жизнь его напоминает красочную мозаику, подобранную смелым мастером по контрасту цветовых сочетаний. Родившись в 1874 году в Петербурге, он закончил свой жизненный путь в Индии, в 1947 году. Многие страны приветствовали художника, но сам он писал: «Для своего, для русского народа мы переживали и радости, и трудности, и опасности... Для народа русского мы трудились. Ему несем знания и достижения».

Обозревая жизнь Николая Константиновича Рериха, невольно удивляешься его целеустремленности. Еще гимназистом он проводит время в археологических раскопках, исторических изысканиях, его заметки публикуются в журналах. В эти годы он впервые берется за кисть. И тогда же появляется интерес к далекой, чудесной Азии. «Каждая памятка из Азии, — записывал он на склоне лет, — была чем-то особенно душевным, от ранних лет и на всю жизнь».

В 1898 году Рерих закончил университет, а годом ранее Академию художеств. Звание художника ему было присвоено за картину из далекого прошлого Руси... Сумерки. Темно-зеленое зеркало реки. Притихший славянский поселок. Месяц из-за холмов освещает две фигуры в лодке. Один из них — гонец, несущий тревожную весть. Картина так и называется — «Гонец».

Особенное впечатление, не забытое до конца жизни, на Рериха произвело напутствие Л. Н. Толстого. Задумавшись над картиной, великий писатель спросил: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку?» Затем, посмотрев внимательно на молодого художника и, видимо, уловив, что картина Рериха лучшее свидетельство этому, продолжал: «Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет».

Счастливым складывалось начало творческой жизни художника, которую современники называли «загадочной». Необычайной была многогранность, результативность его начинаний. Выставки в России и за границей, археологические исследования и создание многочисленных коллекций, работа в общественных организациях, преподавательская деятельность. И путешествия.

В 1903-1904 годах вместе со своей женой Еленой Ивановной, совершает поездку по древнерусским городам. Этюды были показаны на специальной выставке. Художник привлек внимание к архитектурным памятникам Рос-

сии, живописным языком призывая к их защите и восстановлению. В 1906 году Рерих избирается директором школы Общества поощрения художеств, в 1909 — академиком живописи, в 1910 — председателем художественного объединения «Мир искусства». Знакомство и дружба связывают его с А. Блоком, М. Горьким, К. Станиславским, Л. Андреевым, И. Стравинским, С. Прокофьевым.

Юношеские мечты о далекой Индии, стране чудес, к этому времени стали неотлагательными устремлениями ученого. Но в 1914 году началась война. А в следующем он тяжело заболел. Потом, по настоянию докторов, переселился в Сердоболь. Здесь застала его весть об Октябрьской революции. Рерих принял победу народа не как «временное недоразумение» в отличие от некоторых интеллигентов, а как прочное и долговечное основание нового жизнеустройства России. «Кульť истинного знания ляжет в основу ближайшей жизни, когда растает в пространстве все зло, рожденное человекоубийством и грабежом последних лет», — утверждает он в октябре семнадцатого.

Болезнь мешала вернуться, а события разворачивались стремительно. Территория, на которой он находился с семьей, отошла к Финляндии, получившей независимость, и Рерих оказался отрезанным от Родины.

Путь в Индию из революционной России был закрыт. Он чувствовал в себе силы продолжить дело русских исследователей, он должен был спешить, «иначе недалеко время, — размышлял он еще до войны, — когда английская культура сотрет многое, что нам так близко».

Долг ученого, вдохновение художника и чувства патриота подсказывали ему побывать в Индии, чтобы затем на родине заняться изучением полученных результатов.

«БЫТЬ БЫ С НИМИ!»

17 ноября 1923 года французский пароход «Македония» вышел из порта Марселя и взял курс на Бомбей. На борту находились Н. К. Рерих, его жена Елена Ивановна и сыновья — Юрий и Святослав. Через две недели, увидев берега Бомбея, художник воскликнул «Неужели Индия?» Мечта сбывалась. После осмотра достопримечательностей, после первых этюдов гималайских вершин — непосредственная подготовка к экспедиции. Она должна была через Гималаи привести Рериха в Советскую Россию. Наряду с научными, ставились и художественные задачи — создать цикл живописных полотен о жизни народов Центральной Азии.

Весной 1925 года Рерих вместе Еленой Ивановной и Юрием Николаевичем трогается в путь. Нелегким и опасным было предпринятое путешествие. Маршрут шел через Гималаи, через всю западную часть Центральной Азии.

Преодоленные испытания усилили радость встречи с Родиной. Рерих прошел Азию, взволнованную грандиозными переменами в Стране Советов. Он отмечал знаки, свидетельствующие о влиянии Октябрьской революции на жизнь народов Востока. Он говорил о Ленине: «К этому имени тянется весь мыслящий Восток, и самые различные люди встречаются на этом имени».

Строительство социалистического государства поражает своим размахом. Рерих раздумывает. Заманчиво продолжить путешествие, пересечь Тибет, но опять расставаться с Родиной? Он встречается с Г. В. Чичериным, А. В. Луначарским, Г. В. Бокием. Последний советует не упускать редкую возможность. Возникает договоренность о новом возвращении. Рерих получает советский экспедиционный паспорт.

После радостных встреч со старыми друзьями, оставив в Москве серию картин «Майтрейя», Рерих снова в пути. Месяц он проводит на Алтае, ищет подтверждения своим мыслям о переселении народов. В 1926 году он впервые в Сибири, и этот край, который он называет «страной глубокого прошлого и великого будущего», пленил его навсегда. «Приветствовать сибиряков, — записывает он, — это значит почувствовать и сказать что-то очень мужественное и созидательное».

Но как ни пленительна Сибирь, в частности, Алтай, куда он намеревается вернуться в дальнейшем, дорога зовет вперед. Весной 1927 года из Улан-Батора экспедиция Рериха выступает на юг, через Гоби, Цайдам, Тибетское нагорье и Гималаи. Этот путь и ныне поражает воображение. Рериху и его спутникам, пишет советский географ Ю. К. Ефремов, «первыми из русских людей удалось осуществить вековую мечту отечественных исследователей... пересечь со стороны Сибири и Монголии весь Тибет с Гималаями и выйти в Индию».

Экспедиция увенчалась полным успехом. Первоначальная обработка результатов потребовала времени и условий. Так возник Гималайский институт научных исследований «Урусвати». Полагая, что это временно, Рерих поселился в предгорьях Гималаев, в долине Кулу.

Пристального внимания потребовало также международное культурное начинание, с которым выступил Рерих. В печати был опубликован проект соглашения об охране культурных ценностей. Вошедшее в историю под названием «Пакт Рериха», соглашение было направлено на действенную защиту памятников человеческого гения.

В начале тридцатых годов общее признание получает талант художника как непревзойденного живописца гор. Его картины воспевают поэзию горных вершин, искания древних подвижников, величие Гималаев. Альберт Эйнштейн пишет Рериху: «Я восхищаюсь искренне Вашим искусством и могу сказать без преувеличения, что никогда еще пейзажи не производили на меня столь глубокое впечатление».

Экспедиции института «Урусвати», возглавляемые Рерихом, бороздят просторы Азии. В одной из них, в 1934-1935 годах, участвовал Н. В. Грамматчиков, ныне живущий в Хакасии. Среди особенностей характера Рериха Н. В. Грамматчикова привлекали «колоссальная эрудиция и в то же время простота, хотя он по сравнению с нами был, конечно, недостижимо высок во всех отношениях». Рерих обладал способностью «казалось бы из самого малозначительного факта, из чего-то незначительного, на первый взгляд, создать творение глубокого содержания».

Экспедиция, в которой участвовал Н. В. Грамматчиков, была последней для Рериха. Он любил Гималаи и Индию, он дружил с лучшими людьми этой

страны — Дж. Неру, С Радхакришнаном, Р Тагором, Дж. Боше, Б. Сенем и другими. Но его властно звало стремление приобщить свои знания и опыт к строительству на Родине, и он готовился к возвращению.

Именно тогда застала Рериха весть о начале второй мировой войны. «Сердце не допускает, что еще один земной ужас начался», — с горечью отмечает он, понимая, что события на неизвестный срок отодвигают отъезд домой. А начало Великой Отечественной войны вызывает восклицание: «Болит сердце за жизни молодого поколения. Быть бы с ними!»

В годы борьбы советского народа с фашизмом у Рериха нет сомнений в победе. В своих картинах он вновь возвращается к героическим страницам русской истории, начинает издавать в Индии журнал, который дает правдивую информацию о Советском Союзе, устраивает выставки с продажей картин в пользу Красной Армии. По инициативе его сотрудников возникает Американо-русская культурная ассоциация.

И, наконец, Рерих торжествует: «Победа! Победа! И сколько побед впереди!» Вновь возобновляются сборы на Родину, переписка с советскими художниками. В октябре 1947 года Рерих заканчивает письмо И. Э. Грабарю многозначительным словом — «До свидания», но приступ сердечной недостаточности не позволяет вернуться домой.

Н. К. Рериха не стало. Однако мысли, волновавшие его, живут. На основе Пакта Рериха заключена Международная конвенция, подписанная многими странами, в том числе СССР. Вернулись на родину творца его картины. В космосе Ю. А. Гагарину вспомнились краски рериховских полотен. И на западе, и на востоке прорастают плоды культурной деятельности русского художника. Его путь по странам мира — лучшее свидетельство мирных устремлений народов.

«Почему мне дорог Рерих? — писал автору этих строк литовский поэт Эдуардас Межелайтис. — Потому, что он из элементов этого прекрасного мира создал еще более прекрасный свой собственный мир. Он конструктор, творец целого мира. Значит — гений».

«Советская Хакасия», 11 февраля 1979 года

С РЕРИХАМИ, В ЭКСПЕДИЦИИ

Летом 1977 года состоялась у меня встреча, которую подарила судьба. Имя Рериха, замечательного художника и мыслителя, в те годы не было так широко известно, как в наши дни. И когда я узнал, что в Хакасии, в Черногорске, живет Николай Васильевич Грамматчиков, один из участников его экспедиции тридцатых годов, то хотя оснований не верить этому не было, волнение моё было велико. И вот я еду в «Девятый поселок» Черногорска, нахожу улицу и дом. Открывается дверь... и я, действительно, знаколюсь с человеком, который почти год являлся сотрудником великого русского подвижника. Это было общение в условиях экспедиционной жизни. Известно, что люди лучше всего раскрываются в преодолении совместных трудностей...

«Первый раз я встретился с Рерихами в нашей квартире, когда они приехали познакомиться с моим отцом. Вдруг сообщают, что у нас в гостях Рерихи. Мы с моим другом Александром Моисеевым много были наслышаны о Николае Константиновиче, кое-что читали. Нас представили. Николай Константинович подал мне руку, и я обратил внимание на какой-то особенно спокойный, проникновенный его взгляд.

Мы с Моисеевым, зная о том, кто сидит с нами, первое время чувствовали себя несколько стесненно, но вскоре от неловкости не осталось и следа. Вскоре мы задавали вопросы, которых у нас оказалось множество. Зашел разговор о живописи, появились репродукции с картин Н.К. Когда Рерихи от нас уезжали, то никакого стеснения не осталось. Эти два знаменитых человека и в разговоре, и в обращении были настолько просты и в то же время как-то особо благожелательны, что мне, помню, стало казаться: мы знакомы уже не несколько часов, а намного больше».

Так вспоминал Николай Васильевич Грамматчиков. Много лет он прожил в Китае. Во времена хрущевской «оттепели» вместе с другими русскими, живущими в Харбине, смог вернуться на родину. Работал на шахтах Черногорска. Мы познакомились, когда он уже ушел на пенсию с должности главного энергетика одной из шахт.

... 30 мая 1934 года в Харбин приезжает Рерих с сыном Юрием, известным востоковедом. Они формируют экспедицию. Целью ее был, в основном, сбор растений, семян для посадки в почвах, подверженных эрозии. Но, как обычно, Рерих ставил перед собой и художественные, историко-археологические задачи. Квартира на улице Садовой, где у своего брата — Владимира Константиновича — остановился Рерих с сыном, превращается в место постоянного паломничества. Город, заложенный русскими строителями Китайско-Восточной железной дороги - один из центров русской эмиграции на Дальнем Востоке. И к Рерихам идут художники и общественные деятели, представители различных организаций и землячеств, прожектеры и просители, просто безработные. Приходят также чины иностранных консульств, чтобы засвидетельствовать почтение Рериху. Середина 30-х годов — расцвет всемирной славы художника и общественного деятеля. Приходят и тайные агенты японской разведки, ведь Маньчжурия оккупирована Японией.

А у него свой круг общения, в который входит и отец Николая Васильевича Грамматчикова. Поскольку Василий Николаевич из-за тяжелой болезни был прикован к постели, Рерихи приехали к нему домой. Заочно они давно знали его, как философски образованного человека, последователя Учения Живой Этики. Позднее Николай Рерих посвятил ему специальный очерк «Семидесятилетие», где, в частности, писал: «Когда меня спросят, как же дает дух неистощимую силу и телу, я скажу: побеседуйте с моим другом Грамматчиковым и Вы почувствуете все значение духовных проникновений».

Во время летних встреч и решил вопрос об участии Грамматчикова-младшего в экспедиции Рериха.

Правда, на первом ее этапе он не участвовал.

В ноябре 1977 года он писал мне:

«Из Харбина была организована экспедиция по территории, расположенной по западной линии бывшей КВЖД, которая в некоторой своей протяженности проходила по Внутренней Монголии. Участниками этой экспедиции были: Н. К., Ю. Н., брат Н. К. — Владимир Константинович, Федор Тарасович Гордеев — ботаник (по другим сведениям — Тарас Петрович, преподавал Н. В. ботанику в школе — А. А.), Костин — ботаник (имени и отчества не знаю), Виктор Иванович Грибановский и еще один человек — рабочий, который был занят на разных работах... Экспедиция работала в районе г. Хайлар, была в Ганьчжурском монастыре и в районе около этого монастыря. По окончании работ экспедиция переехала на ст. Барим (тоже бывшей КВЖД), которая расположена в горах Большого Хингана. Из Барима экспедиция вернулась в Харбин. По продолжительности она была 1-1,5 месяца. На этом первый момент закончен...»

Николай Васильевич участвовал в экспедиции на втором этапе, который продолжался около года. Об этом ниже.

Самое же удивительное, что когда он писал в Черногорске эти строки, Анатолий Андреевич Костин, о котором он упоминает, проживал в двухстах километрах от него — в Абазе. Два харбинца, два жителя Хакасии, два участника экспедиции Н. К. Рериха (правда, на двух разных этапах) жили по соседству, но так до конца жизни и не узнали об этом.

Если с Николаем Васильевичем мне посчастливилось встречаться и записать его воспоминания, то с Анатолием Андреевичем судьба не свела. И хотя Павел Федорович Беликов, автор книги о Рерихе в серии «ЖЗЛ», еще в 70-е годы говорил мне, что Костин, как и Грамматчиков проживает где-то в наших местах, найти его не удалось. Только работая в Международном Центре Рерихов, я получил сведения от екатеринбургского профессора Константина Новосельского, что А. А. Костин живет в Абазе.

Когда в Абазе проводилась выставка Хакасского республиканского Рериховского общества «Держава Рериха» в Дом культуры пришла дочь Анатолия Андреевича — Татьяна Анатольевна Козлова. Вот что она рассказала.

Анатолий Андреевич Костин родился 4 января 1913 года в Омске. В 1922 году родители, Анатолий и его младший брат Алексей переехали в столицу дальневосточной эмиграции — Харбин. После окончания гимназии

Христианского Союза Молодых Людей, Анатолий на основании выданного аттестата зрелости поступил на Коммерческий факультет Института Ориентальных (Восточных) и Коммерческих Наук (ставшего впоследствии Восточно — Экономическим Факультетом Института имени Св. Владимира в Харбине). По окончании был удостоен диплома первой степени с правом на звание Кандидата Коммерческих наук.

После окончания учебы работал в Харбинском музее Св. Владимира, участвовал в различных исследовательских экспедициях, изучал природу Маньчжурии, печатал статьи — об обрядах и жизни китайцев, об экспедициях...

Статьи молодого исследователя составили ему определенный авторитет и не исключено, что председатель Общества изучения Маньчжурского края в Харбине профессор Авенариус рекомендовал Н. К. Рериху молодого дипломированного востоковеда. А тот пригласил его в экспедицию ассистентом Т. П. Гордеева. 1 августа Н. К. и Ю. Н. с сотрудниками выехали из Харбина в Хайлар.

Экспедиция работала в районе Барги, расположенной на северо-востоке Внутренней Монголии, в южной части которой находилась полупустыня, покрытая засухоустойчивыми растениями. Были собраны гербарий засухоустойчивых и лекарственных растений, почвы, археологические и герпетологические коллекции (последняя целиком трудами Анатолия Костина).

22 ноября в Клубе естествознания и географии члены Баргинского этапа экспедиции прочитали доклады о своей работе. А. А. Костин выступил с «Кратким сообщением о герпетологических сборах экспедиции акад. Н. К. Рериха».

А через день — 24 ноября — как сообщила местная пресса: «Академик Н. К. Рерих, его сын археолог Ю. Н. Рерих вместе с группой сотрудников в 9.35 утра выехали южным поездом в новую научную экспедицию, которая продлится несколько месяцев...»

Среди сотрудников находился двадцатилетний Николай Грамматчиков. Он родился 1 июля 1908 года в городе Кизел Пермской губернии. Судьба привела семью в Харбин. Здесь он закончил Политехнический институт, здесь судьба подарила ему встречу с Рерихами...

Экспедиция направилась в Пекин, где провела зиму и в конце марта следующего года, через Калган, Рерихи и их спутники выехали в степные районы Внутренней Монголии. Началась полевая работа.

Каким же открылся для Николая Васильевича Грамматчикова образ руководителя экспедиции, уже тогда легендарной личности?

Николай Васильевич писал: «Не перечить всех трудов, толкующих о Рерихе как о великом художнике и мыслителе, но за одиннадцать месяцев нашей экспедиционной жизни не раз я имел случай убедиться, что у него, кроме колоссальных мыслительных и художественных дарований, есть такие светлые особенности человека, которые ставят его выше, чем просто “великий художник и мыслитель”».

Помню, как подошел ко мне однажды один из наших бурят — Таши и говорит: “Э-э, паря, а дедушка-то, паря, шибко много знает, все знает, паря,

все”, Говорят, что простые люди сердцем иногда узнают больше, чем развитой человек своим тренированным умом. Похоже на то.

... Его качествами были — простота, доброта, проницательность, твердость, спокойствие, способность из, казалось бы, небольшого события, случая, наблюдения, развить мысль и создать, например, обширную статью, обычно профиля “Листы дневника”.

Как-то у Чувствина отказала машина во время профилактики. Завести мы ее не могли. Воспользовавшись тем, что Цаган Куре стоит на склоне горы, попытались использовать уклон, чтобы завести “с ходу”. Ничего не вышло, уклон кончился, а машина даже не «чихнула». Решили, что нет искры зажигания. Моисеев пошел к лагерю, чтобы принести некоторые части. В Цаган Куре встретился с Н. К. и сообщил ему, что «потеряли искру». Машину, конечно, наладили, приехали назад. Потом Моисеев печатал на походной машинке статью о том, что происходит с человеком, если он потерял искру духа. Статья на нескольких страницах — глубокого содержания. А начиналась она, насколько помню: “Наши механики ищут искру зажигания, которая потерялась...”

Он был большим оптимистом. Часто говаривал: “Оптимизм — победа, пессимизм — поражение”. Скромность. Никогда мы не слышали, чтобы Н. К. что-то сказал о своих больших свершениях и т.п. Обладал большим чувством юмора и какой-то особенной бодростью и неутомимостью.

...Мы стоим в месте, мрачном по его прошлому. Это старинный монастырь, в котором произошло двойное убийство и самоубийство: пролитая кровь прервала служение монахов навсегда... По ночам дежурных беспокоят какие-то странные звуки, которые никак нельзя объяснить, неожиданно бьет в нос запах разлагающегося трупа у ступеней, появляются какие-то тени... Долго не говорят друг другу об этих явлениях часовые, но потом решают обо всем рассказать Н. К.

Как всегда, с приветливой улыбкой, выслушивает он рассказы своих подчиненных: больше всего говорит тот, кому жутко, само слово «жуть» часто срывается с его уст. Он храбрый человек, долго дрался с хунзузами в Маньчжурии. Но тут что-то, чего не возьмешь пулей, и ему не по себе.

Долгим взглядом смотрит Н. К. на рассказчика и вдруг: “Интересно, очень интересно, продолжайте наблюдать”.

Ночью, вставая на смену, я твердо решил довести до возможной точности свои наблюдения, но... ничего в мои два часа не произошло. Не произошло и в дежурство других...

И до самого конца нашего пребывания в древнем монастыре никто не слышал больше никаких неясных звуков вокруг, кроме воя ветра да хохота и уханья сов и филинов в скалах.

В одно из дежурств я слышал чудный аромат фиалок... двор был бел от свежего снега....

Не спит маленький серенький, ждет каждого удобного момента, в который можно было бы влезть в сердце человеческое, забросить туда дрянненькую мысль. Авось да клонет, попадетя на удочку, засомневается, а тогда

уже за маленьким сереньким проберется и большой черный. Прoberется, словно вода в треснувший камень плотины.

Возится человек с засушенным растением, а сам думает и не может уяснить себе, хороша ли его мысль.

Входит в юрту Н. К. и смотрит, как укладывается растение. Работающий видит, или, вернее, чувствует, что чем-то Н. К. недоволен. Думает, что работа не в порядке, спрашивает об этом.

“Нет, все хорошо”.

Видно, дело не в растении. Опять вопрос.

“Мысли мне ваши не нравятся”.

“Как... почему...”, — растерянно бормочет человек, а сам-то в то же время уже начинает сознавать, что мысли-то действительно плохи.

В присутствии Н. К. как-то сразу резче становится граница между тьмою и светом, и вот в голове уже формируется вопрос. Дается ответ...»

15 апреля над лагерем экспедиции взвилось Знамя Мира. На одном из валунов близ экспедиции Н. В. Грамматчиков выбил знак триединства. В этот день в Вашингтоне был подписан Пакт Рериха о защите культурных ценностей. До конца августа 1935 года работала экспедиция в степях Северного Китая. В субботу, 7 сентября, экспедиция Н. К. Рериха возвращается в Пекин.

С Рерихом было очень легко работать, говорил мне Николай Васильевич. И, конечно, было грустно расставаться. «Почти год мы провели вместе. Уезжали из Пекина домой, в Харбин, рано утром. Я зашел попрощаться с Рерихами один. Несмотря на ранний час, они уже были на ногах. Н. К. встал с кресла. Много было перед этим сказано, совместно прожито, остались лишь слова прощания. Мы пожали друг другу руки. Я еще раз взглянул на Рерихов и вышел. Расстался с ними навсегда...»

Было это 80 лет назад. По-разному сложились судьбы участников последней экспедиции Рериха.

В 1937 году Анатолий Андреевич участвует в экспедиции Харбинского Музея в Страну 14-ти потухших вулканов на Малом Хингане. Работает бухгалтером-экономистом в фирме «Торговый дом И. Я. Чурин и К». В годы второй мировой войны совместно с братом установил связи с «Союзом возвращения на Родину». Однако после разгрома Красной Армией Квантунской группировки войск возвращение в Россию получилось не таким, как предполагалось. В 1946 году Анатолия Андреевича неожиданно арестовывают и этапом отправляют в Смоленскую область. Его родители и жена с дочерью Викой, потеряв связь с ним, через Шанхай переезжают на жительство в Австралию. В смоленской тюрьме Костина объявляют «врагом народа» и дают десять лет лишения свободы. В 1951 году его переводят в Северо-Енисейский район Красноярского края, на прииски. Там он учительствует (преподает ботанику и географию), занимается исследовательскими работами по Красноярскому краю. Как любитель-натуралист участвует в работе Географического общества АН СССР. Хотя документов об образовании у него не было, его знали, к нему приезжали, учились, его работы печатались в СССР и за рубежом. В конце концов, его переводят в геологоразведочную партию, базиро-

вавшуюся в Североенисейске, где он учит молодых геологов и работает главным бухгалтером, печатается в местной газете под псевдонимом А. Омский.

Выйдя на пенсию, в 1974 году Костин переезжает в Хакасию, в Абазу. Поселок и его жители ему очень понравились. Он продолжает заниматься исследовательскими работами. К нему в Абазу приезжают ученые.

— В 1974 году, — рассказывает Татьяна Анатольевна, — папа наконец встретился со своим братом Алексеем, проживавшим в Свердловске. А в 1980 приезжали из Австралии дочь Вика с зятем Андреем. Там, в Австралии у него уже взрослые два внука и внучка. Папа первый раз увидел свою взрослую дочь. Когда уже не мог по болезни заниматься своим любимым делом, он организовал для учеников сорок девятой школы кружок юных натуралистов. Помогал студентам в переводах с английского. В доме у нас всегда были гости.

Анатолий Андреевич Костин умер 29 декабря 1984 года на 71-ом году жизни. «Несмотря на все невзгоды, — говорит Татьяна Анатольевна, — как ни тяжело было, мой папа не был сломлен. Делал свое дело, учил проходящих к нему, преданно служил своему отечеству...»

... После экспедиции у Н.В. Грамматчикова было немало событий — и больших, и малых. С 1938 по 1954 год работал в Китае на Мулинских угольных копях главным инженером механического отдела шахт. В 1954 году переезд из Китая на родину. Уже через год работал главным энергетиком девятой шахты Черногорска. Кто знал тогда о Рерихе в Советском Союзе? Единицы. А он следил за постепенным признанием вклада Рериха в прославление России, ее культуры и истории. А потом в Советском Союзе в 74-ом году широко прогремело 100-летие замечательного художника.

Когда мы познакомились, он был на пенсии, но не отказывал, когда его просили помочь по прежнему месту работы. Скончался он 18 марта 1988 года в поселке Виноградный Краснодарского края.

Почти никто в Черногорске и в Абазе так и не узнал, что в жизни Николая Васильевича и Анатолия Андреевича были незабываемые дни в монгольских степях — работа, общение, опасности, обычные будни рядом с выдающимися людьми Николаем и Юрием Рерихами...

1997 г.

ВОСПОМИНАНИЯ
НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГРАММАТЧИКОВА,
участника последней экспедиции Н.К. Рериха в 1934-1935 годах,
в письмах и беседах 1970-х гг.

Н. В. ГРАММАТЧИКОВ — А. Н. АННЕНКО

23/8-77 г.

Здравствуйте, Алексей Николаевич,

когда Вы были у меня, я вновь просмотрел статью, которая была мной написана 42 года тому назад. Перед Вашим приходом я не спал «по производственным причинам» сутки, ложась спать, принял элениум и валериану, вследствие чего кое-что перепутал. Я предложил Вам сделать исправления в той части статьи, где говорится о посещении Рерихом монахов, перекочевывавших на новое место, куда они вывезли продукты питания, книги и т.д.

Исправления эти уберите, оставьте все в первоначальном виде.

Дело в том, что при прочтении мне почему-то вспомнился другой эпизод, на основании этого были сделаны исправления. После Вашего ухода навалились на меня воспоминания и я понял, что перепутал два случая из жизни экспедиции. За что прошу извинить.

С пожеланием успехов Н. Грамматчиков.

А. Н. АННЕНКО — Н. В. ГРАММАТЧИКОВУ

7 октября 1977

Уважаемый Николай Васильевич,

я был очень тронут, получив Ваше письмо. Ваше стремление к точности произвело на меня сильное впечатление. Надеюсь, Вы не откажете ответить на прилагаемые вопросы. О «Монгольской экспедиции» известно очень мало и даже в докладе П. Ф. Беликова, нашего крупнейшего исследователя жизни и деятельности Н. К. Рериха, фактов не достаёт. Ваши сведения, непосредственного участника, конечно, имеют огромную ценность. Было бы очень хорошо, если бы Вы понемногу записывали все, что вспомните о том периоде Вашей жизни, когда Вы встречались с Н. К. Рерихом. Это помимо моих вопросов.

Надеюсь еще не раз с Вами увидеться и обстоятельно поговорить.

Искренне желаю Вам доброго здоровья!

Передайте мои самые теплые пожелания Вашей супруге.

Ваш А. Анненко.

ВОПРОСЫ:

1. В какое время проходила экспедиция? Когда началась, закончилась?
2. Где проходил маршрут? Через какие пункты и в какое время?
3. Цели экспедиции?
4. Как получилось, что Вы приняли участие в экспедиции?
5. Другие участники. Кто они, как попали в экспедицию, их обязанности? Если можно — о характере каждого из них, Ваше мнение о них. По моим сведениям в экспедиции, кроме Н. К. и Ю. Н. были проф. Т. П. Гордеев, ботаник А. А. Костин (тогда еще студент), завхоз В. И. Грибановский, член

Пекинской АН д-р Кенг, ассистент-ботаник Ионг, коллекторы А. Я. Моисеев и Вы, брат Н. К. — Владимир. Верно ли это? Укажите также, пожалуйста, если знаете, расшифровку инициалов.

6. Каково было снаряжение экспедиции?

7. Каковы были трудности в осуществлении экспедиции?

8. Если возможно, вспомните Вашу первую встречу с Н. К. и опишите, пожалуйста, её...

9. Также Ваши последние встречи.

10. Ваши личные впечатления от общения с Н. К.?

11. Какие черты личности Н. К. Вас наиболее привлекли? Если можно проиллюстрируйте на примерах.

12. Как складывался рабочий день Н. К.?

Если можно — примеры.

13. Какие важные события произошли во время экспедиции (например, встречи, торжества...)?

14. Проводил ли Н. К. какие-нибудь специальные беседы с участниками экспедиции?

15. Помните ли Вы какие-нибудь необычные события в экспедиции Н. К.?

16. Повлияло ли участие в экспедиции Н. К. на Вашу дальнейшую жизнь?

Это пока все. Заранее благодарю Вас за ответы.

Всего Вам доброго!

А. Анненко.

Н. В. ГРАММАТЧИКОВ — А. Н. АННЕНКО

19-11-77

Уважаемый Алексей Николаевич!

Уже давно получил Ваше письмо. С ответом, к моему сожалению, задержался. Дело в том, что опять работал главным энергетиком шахты, т. к. мой бывший помощник, который теперь занимает этот пост, серьезно болен. Были еще некоторые причины личного характера.

Ответить на все вопросы сразу вряд ли смогу, но постараюсь возможно быстро, хотя бы по частям.

С самого начала, прежде чем ответить на Ваши вопросы, необходимо внести ясность по моментам Монгольской экспедиции. По Вашим вопросам вижу, что действительное положение в этом вопросе Вам неизвестно и то, что следует резко разграничить, слито «воедино».

Экспедиция состояла из двух моментов.

Приехали Н. К. и Ю. Н. прежде всего в г. Харбин. Точно время приезда не помню, но где-то в первой половине лета. Поместились они на квартире по Садовой улице; точно не помню, но, как помнится, у инженера Дориан.

I момент.

Из Харбина была организована экспедиция по территории, расположенной по западной линии бывшей КВЖД, которая в некоторой своей протяженности проходила по Внутренней Монголии. Участниками этой экспедиции были: Н.К., брат Н.К. — Владимир Константинович, Ю.Н., Федор Тара-

сович Гордеев — ботаник, Костин - ботаник (имени и отчества не знаю), Виктор Иванович Грибановский (о последнем точно утверждать не могу, точно ли он участвовал в этой экспедиции) и еще один человек — рабочий, который был занят на разных работах. О работе этой экспедиции я знаю только из рассказов, поэтому за точность изложенного ниже ручаться не могу.

Экспедиция работала в районе г. Хайлар, была в Ганьчжурском монастыре и в районе около этого монастыря. По окончании работ в этих районах экспедиция переехала на ст. Барим (тоже бывшей КВЖД), которая расположена в горах Большого Хингана. Из Барима экспедиция вернулась в Харбин, По продолжительности она была 1-1,5 месяца.

На этом первый момент закончен.

II момент.

Экспедиция, в которой мне довелось участвовать, продолжалась около года. Участниками ее являлись: Н. К., Ю. Н., Моисеев Александр Яковлевич, Чувствии Михаил Николаевич, Грибановский Виктор Иванович и я. Китайские ботаники, о которых Вы упоминаете, присоединились к экспедиции, когда мы работали в районе Тимур-Хада, побыли с нами около месяца или немного больше. Это были: Кинг — ботаник, кажется, доктор и его ассистент Янг. Оба из Нанкинского университета.

Полагаю, что Вам теперь стало ясно, как обстояло дело и, естественно, отвечая на Ваши вопросы, я буду касаться только второго момента, т. е. экспедиции в которой я участвовал. По сути дела это и была основная Монгольская экспедиция. Пожалуй, я неудачно, выбрал слово «момент», вернее, пожалуй, было бы — «этап», но, думаю, все ясно.

Вопрос 1. Экспедиция проходила в 1934-1935 годах. Началась в октябре и закончилась в конце сентября. В общем, продолжительность немногим меньше года.

2. В октябре 1934 г. экспедиция в описанном выше составе, выехала в Дальний (тогда именовался Дайрен). Из Дальнего пароходом через Желтое море в порт Танку, отсюда по ж. д. в г. Тяньцзинь, где пробыв 3-4 дня по ж. д. приехали в Пекин. В Пекине жили в отеле «Гранд-Отель де вагон-Ли». В Пекине пробыли до конца февраля и поездом проехали до г. Калган, где пробыли около недели. Жили в шведской миссии. Из Калгана на машинах выехали в Монголию. Примерно за 1,5 суток добрались до шведской миссии, главой которой являлся швед Эриксон (за фамилию не ручаюсь). После недолгого отдыха и завтрака, которым нас угостили, проехали в Цаган-Куре, где и остановились.

Цаган-Куре — брошенный буддийскими монахами монастырь, который принадлежал шведу Ларсену. В Цаган-Куре экспедиция пробыла около трех месяцев и затем перебазировалась на Тимур-Хаду. По дороге один день провели около монастыря Шара-Мурен, три-четыре дня в Бату-Халхе.

В лагере Тимур-Хада экспедиция провела работу до сентября м-ца, после чего на машинах выехали в г. Чжан-Цзя-Коу, в Китай. Из Чжан-Цзя-Коу железной дорогой проехали в г. Пекин, где экспедиция закончилась и была расформирована.

3. Цели экспедиции, которая проводилась департаментом агрикультуры С. Ш. А., были в основном сбор и гербаризация засухоустойчивых растений, сбор семян этих растений для посадки в Америке.

4. В экспедицию меня рекомендовал друг моего отца — брат Н. К. — Владимир Константинович Рерих, который знал меня и мои охотничьи «пу-тешествия» много лет.

5. Моисеев А.Я. Один из моих лучших друзей, попал в экспедицию по моей и моего отца рекомендации. Образование высшее. В совершенстве владел англ. языком и стенографией. Охотник, великолепный стрелок, человек высоких моральных устоев, очень хладнокровный, храбрый, физически великолепно тренированный.

Чувствин М. Н. Точно не знаю, но как будто бы рекомендован В. К. Рерихом. Образование среднее, по профессии шофер. Хороший, честный, простой, сильный парень.

Грибановский В. И. Как попал в экспедицию, не знаю. Пожилой человек, бывший военный. Определенного мнения о чертах характера и проч[ем] у меня не составилось.

Когда мы перебазировались в Тимур-Хада в экспедиции появился тибетец Тамба (по-монгольски его звали Чамба, по-китайски Ван). Он был и за переводчика и занимался покупкой продуктов; кроме того прибыли два бурята с лошадьми, на которых мы ездили верхом, выполняя задания по работе.

Обязанности: в экспедиции не было точных распределений обязанностей. Все делали то, что надо, но, в основном было так:

Чувствин и я — шоферы, Моисеев — писал под диктовку Н. К. его статьи и печатал их на машинке. Все мы трое занимались сбором семян и растений по образцам, которые нам давались. Мы трое несли охрану лагеря по ночам, иногда к этой работе привлекался и Грибановекий. Грибановекий, в основном, был поваром, готовил очень хорошо.

Когда занимались археологическими вопросами, то к этой работе привлекались мы трое. Минералами занимался я. Два бурята занимались лошадьми.

6. В экспедиции было две машины, одна легковая, на которой работал Чувствин, и грузовик, на нем работал я. Все мы получили летнюю и зимнюю одежду, спальные мешки, обувь. Моисеев, Чувствин и я были вооружены, каждый винтовкой «Спрингфильс» и пистолетами «Кольт».

Были теплые — двойные палатки, складные койки, табуретки, столы.

Для коллекций и семян имелись специальные ящики, рамки для гербариев и специальная бумага.

Для личных вещей были выданы чемоданы и мешки. Для верховой езды седла типа казачьих с сумами.

Продукты, консервы - в основном, фруктовые, были загружены в ящики.

Знамя Мира, поднятое над лагерем экспедиции 15 апреля 1935 года,
в день подписания Пакта Рериха в Вашингтоне.
Изготовлено Зинаидой Николаевной Чунихиной (Харбин – Черногорск).
(Фото из собрания Д. Н. Ревякина. Москва)

В Маньчжуро-Монгольской экспедиции (справа налево):
Н. К. Рерих, В. К. Рерих, А. А. Костин, неизвестный.
(Собрание Т. А. Козловой. Абаза)

В Маньчжуро-Монгольской экспедиции (справа налево):
В. К. Рерих, Н. К. Рерих, Т. П. Гордеев, неизвестный, В. И. Грибановский
(Собрание Д. Н. Логунова. Пермь)

Н. К. Рерих и настоятель Ганчжурского монастыря
(Музей Николая Рериха. Нью-Йорк)

Лагерь экспедиции в Цаган-Куре
(Собрание автора)

Сидят: В. И. Грибановский, проф. Й. Л. Кенг, Н. К. Рерих;
стоят: М. Н. Чувствин, Янг, Н. В. Грамматчиков, А. Я. Моисеев.
(Музей им. Н. К. Рериха. Москва)

В Маньчжуро-Монгольской экспедиции (слева направо):
Н. К. Рерих, неизвестный, Ю. Н. Рерих
(Музей Николая Рериха. Нью-Йорк)

Праздник в Бату-Халке (Внутренняя Монголия)
(Собрание автора)

Лагерь экспедиции в Тимур-Хада
(Собрание автора)

Лагерь экспедиции в Тимур-Хада.
Справа налево: Ю. Н. Рерих, Н. К. Рерих, неизвестный
(Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова)

З. Н. Чунихина и Н. Д. Спирина. Новосибирск. 1973 год
(Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова)

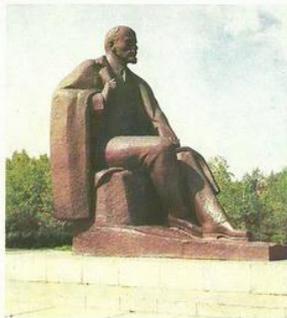
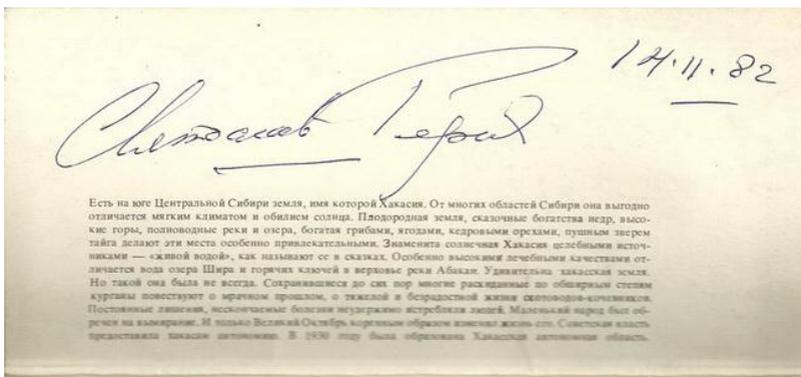
З. Н. Чунихина (стоит слева), М. А. Чунихина (в центре) среди бывших харбинок.
Черногорск. 1970-е гг. (Собрание автора)

Знамя Мира на Алтае у дома в Верх-Уймоне, где в 1926 году базировалась Центрально-Азиатская экспедиция Н. К. Рериха. 1990-е гг.
(Собрание автора)

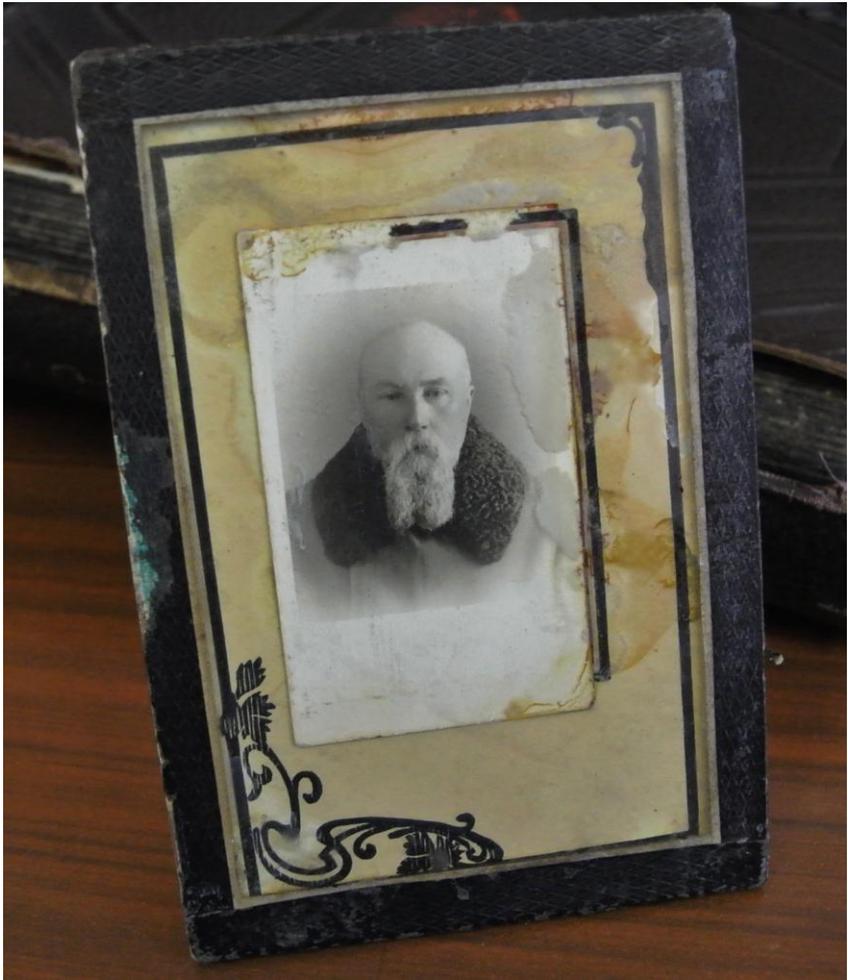
Знамя Мира в Санкт-Петербургском государственном Музее-институте семьи Рерихов. 2009 г.
(Собрание автора)

Автограф С. Н. Рериха на наборе открыток «По Хакасии». 1982 год.

Знамя Мира на горе Бурс. Саяны. 1990-е гг.
(Собрание автора)

Фотография Н. К. Рериха, подаренная им З. Н. Чунихиной в 1934 году
(Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова)

Имелась большая аптечка с медикаментами, перевязочные материалы и кое-какие инструменты. Этим «хозяйством» занимался я.

В общем, экспедиция была снаряжена первоклассно.

На этом пока закончу. Простите за задержку с ответами. Очень занят, да и в жизни возникли трудности, которые мешают путем заняться этим делом. Постараюсь возможно быстро закончить.

С пожеланием здоровья и успехов

Ваш Н. Грамматчиков.

А. Н. АННЕНКО — Н. В. ГРАММАТЧИКОВУ

12 декабря 1977.

Уважаемый Николай Васильевич, очень рад был получить Ваше письмо. Спасибо за такие полные обстоятельные ответы.

Нет никакой беды в том, что, Вы, на Ваш взгляд, задержались с ответом. Я ни в коем случае не хочу Вас торопить и, наоборот, прошу, чтобы наша переписка не мешала Вашей основной деятельности. То, что Вы сообщаете очень важно и интересно и я готов ждать Ваших известий столько, сколько это необходимо. Еще раз спасибо за ответы.

Сейчас я хочу уточнить некоторые моменты. Они связаны, в основном, с фамилиями, именами, названиями. Здесь требуется особая точность. Опасаясь, что некоторые я понял не совсем точно, я выпишу их в этом письме. Если что-то будет неправильно — напишите.

К этому же письму прилагаю некоторые материалы о Н. К., появившиеся в последнее время.

Радостно, что имя и деятельность Н. К. приобретают все более важное значение в современном мире.

Примите самые горячие пожелания успехов и здоровья Вам и Вашей супруге. Ваш А. Анненко.

1. Ст. Барим

2. Кинг — ботаник... и ассистент Енг

3. Дальний (Дайрен)

4. через Желтое море в порт Танку... в г. Тяньцзинь

5. Гранд-Отель де вагон-Ли

6. монастырь Шары-Ягурсен

7. г. Чжан-Цзе-? в Китае

8. Тибетсу Ганиби (по монг. Чениби, по-кит. ?). Он был переводчиком.

Н. В. ГРАММАТЧИКОВ — А. Н. АННЕНКО

18/12-77 г.

Уважаемый Алексей Николаевич,

получил сегодня Ваше письмо. Большое спасибо за вырезки из газет, они очень интересны.

Почерк у меня такой, что потом и сам с трудом разбираюсь. У нас с женой есть такой вариант: возможно, она будет переписывать для Вас материал; у нее почерк хороший, так что неувязки будут исключены.

Прилагаю при этом Ваш запрос, в нем я исправил то, что было неправильно понято, там где исправлений нет — все правильно.

2. ассистент ЯНГ.

6. монастыре ШАРА-МУРЕН.

7. гор. ЧЖАН-ЦЗЯ-КОУ в Китае.

8. Тибетец ТАМБА (по монгольски ЧАМБА, по китайски ВАН).

Я бы конечно очень хотел поскорее ответить на оставшиеся Ваши вопросы. Петр I говорил, что «промедление смерти подобно».

Постараюсь возможно ускорить ответы.

Желаю крепкого здоровья и успехов в работе.

Ваш Н. Грамматчиков.

***

— В Пекине Н. К. почти никуда не ездил. Но однажды мы все решили посетить храм, посвященный Конфуцию, и осмотреть дерево, будто бы посаженное им самим. Нас вызвался сопровождать переводчик, который объявил, что возьмет с нас доллар. Он долго водил нас по храму. Когда он перевел надпись на четырехугольной колонне, то вызвал улыбку Ю. Н. Переводчик потребовал объяснений. Тогда Ю. Н. перевел все четыре одинаковые надписи на четырех языках. «Переводчик», который перед этим рассказывал совсем другую историю, был в смущении. Получив свой доллар, он виновато распрощался и исчез.

— В экспедиции было очень много консервированных продуктов, прежде всего, фруктовых. Питались трижды в день, собираясь вместе. Покупали мясо у монголов. Моисеев иногда охотился. Приносил чаще всего дзеренов (козлы в Монголии). Когда жили в Цаган-Куре, брали свежие продукты (овощи, молоко...) в находившейся поблизости шведской миссии. Н. К. мясо не ел, в основном, фрукты, каши, супы...

— Цаган-Куре, где мы жили, бывший монастырь. Его незадолго перед этим купил швед Ларсен, который жил в Пекине и, в основном, занимался торговлей лошадьми. Сам он однажды приезжал к нам, в экспедицию. Покупка монастыря стала возможна после того, как в нём пролилась кровь. Место же, где это случилось, не может быть жилищем монахов. Как мы узнали об этом? Это случилось уже после того, как мы поселились в монастыре. И вот при каких обстоятельствах.

Н. К. и Ю. Н. жили в юрте в ограде монастыря. Мы трое — Чувствин, Моисеев и я — внутри бывшего храма. Спали мы на деревянных раскладушках. У потолка параллельно друг другу были подвешены две балки, возможно, культового назначения. Однажды ночью Миша Чувствин (он единственный среди нас — курил) разбудил нас и, показывая на одну из балок, спросил: «Вы ничего не видите на балке? Не видите — покойник висит?» Мы пригляделись, и, действительно, увидели нечто подобное. Перед этим мы инстинктивно ощущали как будто неладное в монастыре. В другой раз, после сильной песчаной бури, я дежурил на крыше храма. Проектором освещая окрестности я вдруг заметил перемещения какой-то фигуры у находящегося метрах в двухстах от монастыря каменного обо (культовое сооружение — А. А.). Закрепив прожектор посередине храма, я с винтовкой переместился на край крыши. Фигура появлялась несколько раз и, наконец, исчезла. Когда рассвело, я разбудил Мишу и мы пошли посмотреть следы возле обо, кото-

рые должны быть отчетливо видны. Но никаких следов не нашли. Посветив внутрь, мы также ничего, кроме буддистских фигурок, там не увидели.

И вот покойник, который нам показался в храме.

Наутро мы рассказали обо всем Н. К. Он заверил нас, что больше ничего подобного не случится. И точно, таких странностей больше не было. Видя, что Миша Чувствин все-таки неспокоен, Н. К. предложил нам занять вторую юрту, стоявшую в ограде, что мы и сделали.

Только потом в разговоре со сторожем-монголом, жившим постоянно при монастыре, мы узнали, что монахи покинули его из-за того, что один из них повесился на этой балке и его закопали в ограде.

— В Тимур-Хада, где-то в августе, несколько раз встречались с японцами. Один раз, в харчевне, заметив, что один человек, лежавший на кровати, похож на японца, я неожиданно для него сказал по-японски «Здравствуйте!» Он встрепенулся и вопросительно посмотрел на меня. Но я ничего не сказал и вышел. В другой раз, возвращаясь в лагерь (я был тогда на лошади), заметил, как поблизости приземлился самолет с японскими опознавательными знаками. Подъехав поближе, я увидел, что из самолета вышли двое военных, а из люка был отчетливо виден станковый пулемет. Меня заметили, и я поспешно ретировался. Наши китайцы-ботаники, профессор Кинг и его ассистент Янг (они работали с нами около 1,5 месяца) очень боялись встречи с японцами. Поэтому мы с Чувствиным все время с винтовками сопровождали их, когда они уходили от лагеря. Нас так и звали тогда — «телохранители» ботаников.

— Обычно собирали травы постоянные члены экспедиции по образцам, которые нам давали Н. К. и Ю. Н. Однажды я привез чуть не полмашины травы, и Н. К. очень смеялся, т. к. хотя трава и была похожа на нужную, но совсем не та.

— От Цаган-Куре к Тимур-Хада мы перебирались очень быстро, прихватывая ночь. Н. К. ехал с Моисеевым. На одной из остановок, когда уже особенно усталость давала о себе знать, ко мне подошел Грибановский и дал вылить коньяку. Заметив это, Н. К. покачал головой, но ничего не сказал. Коньяк помог превозмочь усталость.

— В тридцати километрах от Тимур-Хада находилась резиденция (столица) князя Внутренней Монголии — Дэ-вана (Бату-Халка). Мы брали у него лошадей, а после окончания экспедиции продали ему машины.

— Близ нашей стоянки в Тимур-Хада высился огромный, в человеческий рост, валун. После разговора с Н. К. я вооружился молотком и зубилом и выбил на стороне, обращенной к лагерю знак Пакта Мира — три круга в окружности.

— Однажды я зашел к Грибановскому и увидел, что перед ним на столе стоит пустая бутылка, а он что-то сосредоточенно пишет. Через несколько дней наша экспедиция заканчивалась, мы покидали Тимур-Хада. Утром, взглянув из палатки, я заметил, что Грибановский зачем-то копает под огромным вязом. Я сообщил об этих непонятных действиях Н. К. и когда Грибановского не было в лагере, мы нашли под деревом бутылку с запиской. В ней сообщалось, что в этом месте работала экспедиция Н. К. Рериха. Зачем Гри-

бановский это сделал, до сих пор не знаю. Н. К. сказал, что не надо оставлять памяток, и мы так и сделали.

— Надо было уезжать. Экспедиция закончила свою работу, вещи были упакованы. Однако мы не могли — не было бензина. Караван верблюдов, на котором нам должны были доставить его, задерживался уже на три дня. Мы беспокоились. В этот период с нами в экспедиции жил тибетец Тамба. По-монгольски его имя звучало — Чамба, по-китайски — Ван и мы обычно его звали Тамба-чамба-ван. Появился он неожиданно, но быстро освоился. Случайно я спросил его, как он думает, когда придет караван. Ничего не говоря, он сел на песок, расчистил площадку, провел круг и несколько минут всматривался в это пространство, раскачиваясь корпусом вперед и назад. Потом сказал, что мы можем быть спокойны, караван придет завтра, сейчас он проходит скалу в сутках пути от лагеря. На следующий день караван, действительно, пришел. Когда я попросил Ю. Н. спросить у руководителя каравана, где они были вчера в полдень, тот ответил, что они проходили мимо небольшой скалы.

Запись разговора 8 января 1978 года.

Н. В. ГРАММАТЧИКОВ — А. Н. АННЕНКО

5/2-78 г.

Уважаемый Алексей Николаевич!

Посылаю Вам «вторую» часть ответов на Ваши вопросы.

Вспоминается много кое-чего по экспедиции, если пошевелить память. К сожалению, времени почти нет, да и очень много жизненных вопросов передо мной. Пишите, что нужно еще. Постараюсь ответить по мере возможности. Есть мысль написать Ираиде Михайловне, когда-то Ю. Н. намеревался прислать мне фотографии, что оказалось невозможным по не зависящим от него обстоятельствам, может быть, придет что-нибудь. Еще раз спасибо за валериану, книжку и фотографии.

Желаю Вам здоровья, успехов в труде. Ваш Н. Грамматчиков.

7. Особых трудностей в осуществлении экспедиции не было. Тяжел был климат. Холодные ночи, отчаянная жара днем в полуденные часы, сухость воздуха от которого у некоторых из нас лопалась кожа на руках, были случаи носового кровотечения.

Часто, вернее, в основном, приходилось пользоваться дорогами, совершенно не приспособленными для автомашин. Застреливали в песках, откапывались. Ездили и по целине. Но все это, для такой экспедиции, было в порядке вещей, на мой взгляд.

8. Первый раз я встретился с Н. К. и Ю. Н. в своей квартире, когда они приехали познакомиться с моим отцом; отец в то время почти все время из-за болезни лежал в постели. Мне помнится я откуда-то вернулся домой и кто-то из семьи, с которой мы вместе снимали квартиру, мне сообщил, что у нас Н. К. и Ю. Н. Когда я зашел в свою комнату, то встретился с братом Н. К. Владимиром Константиновичем, который сразу же позвал меня пройти в

комнату отца — познакомиться. Мы с моим другом Моисеевым много были наслышаны о Н. К., кое-что читали. Потому я побежал за Моисеевым, который жил неподалеку, согласовав этот «марафон» с В. К. Прибыв с Моисеевым домой, мы пару минут передохнули и вошли в комнату отца. Н.К. сидел у отцовской кровати, Ю. Н. и В. К. сидели немного в стороне, шла беседа. Отец представил Моисеева и меня. Н.К. подал мне руку, поздоровались мы и Ю. Н. и, конечно, с В. К. Сразу я обратил внимание на какой-то особенно спокойный и в то же время ласковый его взгляд.

Мы с Моисеевым, зная о том, кто сидит с нами, первое время, чувствовали себя несколько неловко или как-то стесненно. Но от этого чувства быстро не осталось и следа. Через довольно короткое время уже в порядке общего разговора задавали Н. К. вопросы, которых у нас, конечно, было много; во время нашей беседы зашел разговор и о живописи, на эту тему разговор вел мой отец и Н. К. Мы с Моисеевым в этом деле ничего толком не знали и потому слушали.

Н. К. предложил посмотреть репродукции его картин и Ю. Н. на машине быстро съездил за ними и привез довольно много экземпляров, которые мы все просмотрели.

Когда Н. К. от нас уезжал, то никакого стеснения не осталось и следа. Эти два знаменитых человека в разговоре и во всем были настолько просты и в то же время как-то особо благожелательны, что мне, помню, как-то стало казаться, что мы уже знакомы не несколько часов, а много больше. Когда Н. К. уезжал, то пригласил Моисеева и меня к себе, если у нас есть к нему вопросы, назначил время. Конечно, мы к нему ходили.

9. Говорить о последних встречах с Н. К. было бы неправильно потому, что с начала экспедиции и до конца мы вообще не расставались, виделись ежедневно минимум два-три раза в день, часто проводили все вместе целые дни. Так что последняя «встреча» будет прощание в Пекине, где мы последний раз виделись.

Уезжали из Пекина в Маньчжурию, домой, Моисеев, Грибановский и я. Чувствин поехал с Н. К. до Шанхая, где и остался. Уезжали мы рано утром. Я зашел попрощаться к Н. К. один. Несмотря на ранний час и Н. К. и Ю. Н. уже встали.

Перед днем расставания много было у нас бесед, так что оставалось только сказать слова прощания.

Н.К. встал с кресла, на котором сидел, подошел ко мне, подал мне руку и, пожимая мою, сказал на прощание несколько хороших теплых слов, потом я попрощался с Ю. Н. Я еще раз взглянул на Рерихов и вышел. Расстался с ними навсегда.

10. С Н. К. было очень легко жить и работать. Отношения со всеми нами были самые хорошие; не чувствовалось, что Н. К. наш начальник, в то же время никому из нас троих не могло прийти в голову, что-либо не выполнить, какие-либо его указания не исполнить. Его распоряжения не носили формы приказа, просто он говорил о том, что нужно сделать, часто разъяснял для чего что нужно, чем вызвано то или иное делание в экспедиции.

11. Колоссальная эрудиция и в то же время простота. Простота в обращении с нами, хотя он по сравнению с нами был, конечно, недостижимо выше во всех отношениях

Мне представлялось, что такой великий художник должен иметь при себе целый арсенал художественных приспособлений: мольберты, эскизники и проч., что мы видим у художников, когда они работают на этюдах и т. д. Оказалось совсем по-другому.

Едем на машине. Чувствин ведет, я рядом с ним как запасной. Н. К., Ю. Н. и Моисеев на заднем сиденье. Н. К. во время пути вдруг просит Михаила остановиться. Выходит из машины, выхожу и я. Н. К. быстро осматривает местность. Вынимает из кармана небольшой кусочек картона, похоже на крышку от какой-то коробки, небольшой кусочек карандаша. Несколько минут работы. У каждой местности, пейзажа есть что-то свое, неповторимое. Настроение, дух, трудно определить, что это такое. Но если вспоминаем какую-то местность, то появляется и «это».

Первый раз, когда я смотрел, как Н. К. наносит на картонку линии карандашом, то, к своему удивлению, через несколько минут (2-4), увидел то, что было перед нами в этом небольшом кусочке картона вместе с «этим». Несколько линий — контуры гор, несколько штрихов! Запечатлено все — конфигурация, настроение... Потом из этого, вероятно, создается полотно.

12. Простота, доброта, пронизательность, твердость, спокойствие, способность из, казалось бы, небольшого события, случая, наблюдения, развить мысль и создать обширную статью, обычно профиля «Листы дневника».

Как-то у Чувствина отказала машина во время профилактики. Завести ее мы не могли. Воспользовались тем, что Цаган-Куре стоит на склоне горы, попытались использовать уклон, чтобы завести «с ходу». Ничего не вышло, уклон кончился, а машина далее не «чихнула». Решили, что нет искры зажигания. Моисеев пошел к лагерю, чтобы принести некоторые части. В Цаган-Куре встретился с Н. К. и сообщил ему, что «потеряли искру». Машину, конечно, наладили, приехали назад. Потом Моисеев печатал на походной машине статью о том, что происходит с человеком, если он потерял искру духа. Статья эта на нескольких страницах — глубокого содержания. А начиналась она, насколько помню: «Наши механики ищут искру зажигания, которая потерялась...»

Подобно этому было много: казалось бы, из самого малозначительного факта, из чего-то незначительного, выросло творение глубокого содержания.

Н. К. был большим оптимистом. Часто говаривал: «оптимизм — победа, пессимизм — поражение».

Скромность: никогда мы не слышали, чтобы Н. К. что-то сказал о своих больших свершениях и т.п. Н. К. обладал большим чувством юмора и какой-то особенной бодростью и неутомимостью.

12. Рабочий день Н. К. складывался в зависимости от обстановки, которая в экспедиции была очень различной. В Пекине, когда жили в отеле, он ежедневно, после утреннего завтрака диктовал Моисееву статьи, «Листы дневника», было много корреспонденции,

В Монголии, в те периоды, когда жили в Цаган-Куре и Тимур-хада рабочий день Н. К. распределялся примерно так: подъем в 6-7 часов, завтрак, после завтрака обычно Н. К. диктовал Моисееву листы дневника, статьи, кое-что из корреспонденции (часть корреспонденции писалась самими Н. К. и Ю. Н.).

Часа в два мы все вместе обедали. (Когда мы с Чувствиным и Моисеевым не были в поездках.) После обеда Н. К. занимался вместе с Ю. Н. экспедиционными делами, часов до 5-6 вечера. Потом Н. К. и Ю. Н. гуляли или по территории лагеря или вблизи его. Вечером ужин, часов в 7-8. После ужина Н.К. Ю.Н. занимались у себя в палатке или юрте, иногда до поздних часов.

13. По прибытии в Бату-Халха экспедиция остановилась в здании, находившемся на территории, где находились помещения, в которых жил правитель Внутренней Монголии князь Дэ-Ван и располагались какие-то его учреждения.

На следующий день после приезда Н. К. и Ю. Н. нанесли Дэ-Вану визит, с ними были Моисеев и я. Также был переводчик Чамба (В прошлом письме я допустил ошибку: Чамба, он же Тамба и Ван, присоединился к нам не в Тимур-Хада, а в Цаган-Куре). Н. К. вручил Дэ-вану документ «Пакт Рериха» о сохранении культурных ценностей.

Когда проезжали монастырь Шара-Мурен, то останавливались около него на 1 или 2 дня. Н. К. и Ю. Н. посетили монастырь, где пробыли больше полдня. Ходили они туда вдвоем.

Когда жили в Цаган-Куре приезжал какой-то высокий по чину лама. Жил около нашего лагеря несколько дней, встречался с Н. К.. К ламе было целое паломничество монголов со всех окрестностей. В то время, когда лама находился в Цаган-Куре, мы с Чувствиным подналадили ему, по его просьбе его автомобиль. Диву давались как только на нем можно было ездить. Благо степь широка!

14. Каких-либо специальных бесед Н. К. с нами не проводил.

15. Необычные события были в Цаган-Куре, о них я Вам рассказывал, когда в последний раз Вы были у меня.

16. На этот вопрос трудно ответить, т.к. невозможно сказать, пошла бы моя жизнь по той тропе, по которой она прошла, если бы я не встретился с Н. К., или нет; случилось ли бы со мной или нет, то, что мне пришлось пройти в жизни, если бы я не встретился с Н. К. Мне кажется, что участие в экспедиции не повлияло на мою дальнейшую жизнь, но, конечно, общение с Н. К. и Ю. Н. в течение почти года дало очень много в отношении общего развития.

*Публикуется впервые.
Архив А. Н. Анненко.*

СОДРУЖНИЦА ИЗ ЧЕРНОГОРСКА

В 2015 году — 80 лет со дня подписания в Вашингтоне Пакта Рериха, первого в мировой истории Договора об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников. Мне посчастливилось не только встречаться, но и сотрудничать с людьми, которые встречались с Н. К. Рерихом на стадии продвижения Пакта Рериха и Знамени Мира (отличительный знак движения). О Зинаиде Николаевне Чунихиной (1900-1986), жительнице Черногорска с 1950-х годов, практически неизвестно, кроме нескольких упоминаний в книге «Устремленное сердце» о Б. Н. Абрамове и в некоторых моих статьях.

Она родилась 12 марта 1900 года, жила в Чите. В годы гражданской войны, вместе со своим женихом, офицером частей Белой армии, отступивших в Китай, оказалась на чужбине. Он умер в госпитале от ран, а Зинаида Николаевна вместе с матерью Марией Антоновной обосновались в Харбине. Зинаида Николаевна имела гимназическое образование и впоследствии стала работать бухгалтером на Мулинских горных копях.

Харбин — «Антарктида» русской культуры — в первой половине XX века представлял из себя оазис русской цивилизации на Дальнем Востоке, в Маньчжурии. Отличительной чертой российской цивилизации в Маньчжурии были терпимость и вмещение: рядом стояли и функционировали кирхи и церкви, синагоги и мечети; русские дети изучали кроме родного — китайский и английский языки. Например, здесь печатался настольный календарь «Три богатыря» — с отдельными страницами для православных, магометан, лютеран, евреев, армян. В то же время это был город международной, в том числе, ярко представленной русской культуры.

«Появление Н. К. Рериха в Харбине в 1934 году, - пишет свидетель тех лет, - можно сравнить с метеором, прочертившим огненную черту на мрачном ночном небе... Его приезд производит впечатление разорвавшейся бомбы. Вся общественность взбудоражена. Квартира на Садовой сразу превращается в место непрерывного паломничества...». Именно здесь — в Харбине — был в 1934 году образован Русский комитет Пакта Рериха.

Именно в Харбине 18 июля 1934 года в церковный праздник обретения мощей Радонежского Чудотворца было образовано Свято-Сергиево содружество. Через несколько дней Николай Константинович взял шефство над этим Содружеством.

Среди участников «Содружества» — Петр Алексеевич Чистяков, Владимир Константинович Рерих, Альфред Петрович Хейдок и его жена Евгения Сергеевна, Абрамовы — Борис Николаевич и Нина Ивановна, Василий Николаевич Грамматчиков, Екатерина Петровна Инге, Зинаида Николаевна Чунихина, Юрий Николаевич и Наталья Яковлевна Гавриловы, Михаил Михайлович Бутин, Евгения Николаевна Туркина, Варфоломеева... И другие.

Зинаида Николаевна была одним из самых активных членов «Содружества». Она рассказывала мне о собраниях также, как, например, Альфред Петрович Хейдок в своих статьях:

«Николай Константинович нам лекций не читал. В спокойной, неторопливой беседе просто и доходчиво говорил о наступающей новой эре планеты, о новом человечестве, которое должно прийти на смену нынешнему, задыхающемуся в ярости хищнических захватов и как слепое идущее к взаимоистреблению. Но это новое человечество не могло спуститься с неба на розовых крыльях — оно могло возникнуть только из ныне существующего. И Новый Мир сотрудничества и братства должен быть построен человеческими руками и ногами.

А где строители? Стать этими строителями он призывал нас. Строительство должно было начинаться с преобразования самого себя, со вступления в постоянную борьбу со своими собственными недостатками, с трансмутации своих низших качеств в высшие — с самоусовершенствования, которое приводит к расширению сознания, открывающего космические просторы...» (А. Хейдок. Учитель жизни. — Альманах «Утренняя Звезда. 1993. — №1. — С. 82.) . Н. К. Рерих подарил ей свою фотографию, которую хранила всю жизнь.

Уже тогда — в 1930-е годы — Зинаида Николаевна славилась как мастерица-швея. На одном из заседаний Н. К. Рериху были преподнесены два Знамени Мира, которые она сшила. Одно из них — побывавшее в экспедиции Н. К. Рериха на первом этапе в 1934 году и оставленное им затем «Содружеству» — было привезено Зинаидой Николаевной из Китая в СССР. Второе, большего размера, — было тем Знаменем, которое развевалось 15 апреля 1935 года (день подписания Пакта в Вашингтоне в присутствии Президента Ф. Д. Рузвельта) над лагерем экспедиции в Цаган Куре (Внутренняя Монголия), о чём писал Н. К. Рерих в очерке «Знамя». Это Знамя было привезено из Индии в СССР сыном Н. К. Рериха Юрием Николаевичем Рерихом в 1957 году и находилось в его квартире в Москве.

Я не раз бывал у Зинаиды Николаевны в Черногорске (Красноярский край), где она жила после возвращения на родину. По мере знакомства перед мной открывался замечательный образ женщины высокой духовности, пронёсшей через всю свою жизнь преданность идеалам высокой культуры. На этикетке, в темно-синей рамочке, стояла небольшая фотография Николая Константиновича, подаренная в 1934 году.

Самое ценное она хранила в небольшом деревянном сундуке: Знамя Мира, изготовленное в 1934 году в дни пребывания там Н. К. Рериха, подлинники «Листов дневника» Н. К. Рериха, посылавшиеся в Харбин, книги Живой Этики. По её признанию, это было самое дорогое из всего, чем она владела. Жила она последние годы одиноко, но не оставалась без поддержки друзей. Её земной путь завершился 14 февраля 1986 года.

Часть своего архива Зинаида Николаевна передала мне: Знамя Мира, подлинники «Листов дневника», копии писем Е. И. Рерих, некоторые книги Н. К. Рериха. Особо примечательна одна из них — «Цветы Мории», вышедшая в Берлине в 1921 году. Здесь, на последней странице, автограф: «Дорогому другу Зиночке от её Харбинских содружниц — М. Н., В. Г., В. В. и Е. П. — с самыми светлыми и сердечными мыслями. 24 окт. 1939 г. Харбин». Внизу страницы: ««Страж, помни о доверенном сокровище. Считай: зовы Наши

дают знание выше уставов старины». Листы». А на одной из первых страниц Зинаида Николаевна написала: «На добрую память Алексею Николаевичу от Зинаиды Николаевны Чунихиной. 17 августа 1977 г.» Эти надписи для меня являются, по известному определению, «живой связью времён».

Отмечу, что Знамя, о котором идёт рассказ, побывало со мной на вершине Боруся в Саянах, в Верхнем Уймоне на Алтае, а также в Международном центре Рерихов, когда я там работал. Интересно, что тогда оно было использовано в качестве образца при изготовлении знамени для Международного общественного культурного космического проекта «Знамя Мира» — побывавшего затем на борту орбитальной космической станции «Мир» в 1997-98 годах.

Знамя Мира харбинского «Содружества» демонстрировалось в Музее имени Н. К. Рериха в Новосибирске, а ныне — в постоянной экспозиции в Санкт-Петербургском государственном Музее-институте семьи Рерихов. В 2010 году оно было представлено на Международной выставке «Рериховский век», проходившей в Манеже Санкт-Петербурга.

Завершить мне хотелось бы словами Зинаиды Николаевны Чунихиной о Б. Н. Абрамове, напечатанные в книге «Устремленное сердце». Но читая их, я вижу перед собой Зинаиду Николаевну Чунихину и членов харбинского Содружества:

«Несломимая вера, подкреплённая знанием. Она зажигала окружающих, давала силы. Он не только верил, он знал, и это действовало убедительно. Он делился своими знаниями. Каждая его фраза была откровением.

Большая устремлённость и сильная творческая мысль, направленная на Благо! Это чувствовалось окружающими и носило характер непреложности. Сила мысли его была велика! Во всем сквозила убежденность. Его мысль была действительна, она не раз несла помощь людям, которые часто и не знали, откуда она исходит. Он щедро делился своим огоньком...».

Опубл.: «Краевед Хакасии». Сборник статей. — Выпуск 1. — Министерство культуры Республики Хакасия, ГКУ Республики Хакасия «Национальный архив». — Абакан, Книжное издательство «Бригантина», 2013. — С. 147-148.

ВОСТОЧНАЯ ЛЕГЕНДА

Саранайа Мозор был одним из Мудрых. Казалось, ничто не было сокрыто от него. Он так же легко читал книгу человеческой души, как легко и свободно читал небесную книгу, где слова — огненные созвездия. Эту вечную книгу, которая для тех, кто её понимает и может её толковать, заключает в себе судьбы народов и развёртывает перед нами циклическую жизнь Миров.

Уже в течение многих, многих лет Саранайа не испытывал ни в чём нужды, ни одно земное желание не приходило к нему. Он двигался, углублённый в свою медитацию*. Мудрость излучалась от него, и пещера, где он жил на вершинах Гималаев, превратилась в цель для пилигримов. Все, кто нуждался в совете, кого мучили вопросы Бытия, кто стремился восстановить исчезающее здоровье — шли к нему и возвращались утешёнными, ободрёнными и с новыми силами принимались за свой труд.

Мудрец принимал всех, разрешал самые запутанные вопросы и давал мудрейшие ответы. Он делал это всё безвозмездно, и в силу этого бескорыстия слава о его святости всё росла и росла.

Никто не знал его возраста, но все были согласны с тем, что больше чем сто зим прошло над его головой, ибо он давал советы и помогал ещё прадедам своих посетителей. Но сколько бы ему не было лет, ему нельзя было дать больше 60-ти. Борода его поседела, но глаза оставались молодыми и огненными, и каждое движение указывало на силу и здоровье. Физические недостатки и слабости, которые преследуют человечество, для него не существовали. Его всегда можно было застать в пещере, погружённым в медитацию, всегда он готов был приветствовать добрым словом каждого, кто приходил к нему.

И тем не менее, он устал жить. Устал от своих огненных знаний, ибо жизнь не имела уже никаких тайн от него. Он устал от своей известности и славы, которые с каждым днем всё разрастались. Люди провозгласили его даже Брамой новой инкарнации** и, веря тому, стали обращаться с ним как с божеством, отягощая его поклонением и приношениями. Спокойно и ритмично текли его дни среди пустынных и величественных Гималайских вершин, но его душа, освобождённая от всех земных оков, уже была готова возноситься к Высшим Планам Бытия и непрестанно беседовать с Высшими Силами, которые окружают трон Брамы***. Его огорчало, что он ещё не присоединён к Ним; его огорчало, что он не сбросил ещё телесные оковы, что он не может находиться непрестанно вблизи Господа и занять место, которое он заслужил своей долгой и примерной жизнью на Земле.

Так думал он: «Почему должен я так долго оставаться прикреплённым к этому телу, которое моя воля уже давно привела в подчинение духу и которое больше не представляет для меня ни малейшего интереса? Почему другим, менее продвинувшимся по тропе Мудрости, чем я, посылается дар пере-

хода и разрешается предстать перед Создателем? Для меня невозможно знать уже больше. Почему меня не зовут?»

Рассуждая так, Дух его предстал перед Вратами Вечного Сада и постучался. Появился Хранитель и спросил, что привело его в Обитель Высших.

«Мне хотелось бы войти», — прошептала душа Саранайи.

«Не время ещё, брат мой, — ответил Хранитель. — Твоего имени нет в Списке тех, кто имеет право войти Сюда».

«Может быть, обо мне забыли? — возразил Саранайа. — Я устал на абсолютных высотах знания на Земле, достигнув всего, чего только человеку возможно достичь. Разве могу я что-либо сделать больше?»

«Тебя нет в Списке, и я не могу тебе позволить войти. Иди, и продолжай работу. Тебя позовут, когда свершится Судьба».

Так Саранайа вернулся на Землю и снова принялся за своё служение. Его чудеса стали ещё поразительнее, и слава о нём расходилась всё дальше.

Безостановочно нёс Ганг потоки своих вод. Огромное количество песку медленно пересыпалось в Вечность, а Саранайа всё продолжал жить на вершинах Гималаев, тщетно ожидая Призвания. Но никто не призывал его.

И вот он снова решил постучаться во Врата обители, но ему снова сказали, что время ещё не наступило и что он должен продолжать свою работу на Земле до тех пор, пока не получит Указаний.

Снова вернулся Саранайа на Землю и ещё ревностнее стал творить добрые дела. Его тело стало почти нематериальным, а отрешение от всего земного настолько изменило его физический облик, что те, кто видел его, думали, что видят Диву.

Но Зова — не было.

Тогда однажды он возмутился. «Для чего я работал? — воскликнул он. — Я достиг Высочайшей Мудрости; я подчинил себе все земные желания; и я должен влачить это безотрадное существование, тогда как многим другим, которые даже ничего не знают, и вся заслуга которых состоит лишь в том, что они покорно несут ведра с водой для орошения своего сада, — разрешено уйти отсюда и они допускаются быть поблизости трона Браммы. Правда, они не ропщут и не жалуются, ибо ничего лучшего не знают. Но я, который достиг абсолютных высот познания? Где же моя награда? Почему меня не призывают? Я заслужил этого долгими годами. Это несправедливо».

И пока он возмущался, он почувствовал вдруг, что душа его начала куда-то уходить, отделяясь от тела.

Вот, наконец-то ему был разрешён Вход.

Он почувствовал невыразимую радость и подумал: «Наконец-то меня поняли».

Но вдруг он осознал, что Дух его, вместо того, чтоб возноситься к Высшему Саду, летел со страшной быстротой куда-то вниз. Падение было стремительное и ужасное. Всё вертелось и кружилось перед его внутренним взором, и, наконец, он потерял сознание...

Когда он пришёл в себя, он был подавлен своим безвыходным положением. Он был скован цепями. Кругом был полнейший мрак, и ледяной холод

сковывал его члены; он не мог сделать ни малейшего движения, не мог издать ни малейшего звука.

Напрасно старался он объяснить себе то странное состояние, в котором находился...

Прошли века, в течение которых его дух испытал невероятные мучения. Он возмущался, он роптал на Создателя. Он находился в полнейшей прострации, вызванной абсолютным молчанием, непроницаемым мраком и пронизывающим холодом. Но на его возмущение — никакого ответа. Не было ответа и на его ропот, как не было и наказания за возмущение.

Пробежали ещё столетия. Наконец, Саранайа начал успокаиваться и размышлять над своим положением. Вся его прошлая жизнь развернулась перед ним. Он снова пережил в памяти годы смятения, когда он искал путь к мудрости; он снова пережил медленное и трудное восхождение по той высшей лестнице, что ведёт к Знанию. И снова пережил он те времена, когда страдающие шли к нему за помощью; и вспомнил он, как позволял им обоготворять себя; вспомнил то чувство духовного безразличия, с каким он помогал своим братьям, и вспомнил, как, стремясь от них освободиться, искал успокоения и отдыха в Высших Сферах...

И он понял...

Он понял — почему его не призывали; понял причину, побуждавшую его стучаться в Обитель Величайших, и понял, почему ему отвечали, что он ещё не готов. И понял он, почему его прошлая работа ничего не стоила, ибо им руководила только гордость. Он считал себя выше всех братьев; он смирял себя перед ними, но он не любил их своим сердцем, и единственной его целью было личное самосовершенствование и честолюбие, но не Любовь. И вот это-то отсутствие в нём Любви и Сердца и непомерная гордость его и низвергли его на самую низшую ступень в шкале Мироздания.

Он понял молчание... Он понял неподвижность и мрак...

Он был превращён — в камень...

Это осознание пробудило в нём чувство острого страдания и раскаяния. И по мере того, как уходили столетия, эти чувства в нём возрастали. С радостью вернулся бы он к своей прежней жизни, чтоб иметь возможность доказать своё раскаяние и покорность. Но холод сковывал его движения. А окаменелость и пассивность его новой формы бытия давали доступ только его собственным грубым и печальным мыслям.

Наконец, его раскаяние достигло таких размеров, что он вдруг почувствовал облегчение и заплакал...

В тот день, один бедный пастух, немой от рождения, пас своих овец на склоне Гималаев среди безводной и скалистой местности. Он был свидетелем чуда. Огромная скала, без признака какой-либо на ней растительности, вдруг раскололась надвое, и из трещины её заструился прозрачный и чистый родник. Поражённый пастух, подойдя к источнику, выпил воды и немедленно обрёл дар речи. Он побежал в деревню и всем, кто хотел слушать, он рассказывал о свершившемся чуде. С того дня бесчисленное множество странников идут к этому чудесному источнику, дающему всем, кто верит, чудесное исцеление недугов и меру Божественной Благодати.

Примечания:

* Медитация — сосредоточенное размышление, созерцание.

** Инкарнация — здесь: новое рождение, новое воплощение.

*** Брама (Брахма) — в индийской мифологии Бог-творец, создатель мира.

ЗАГАДКА «ВОСТОЧНОЙ ЛЕГЕНДЫ»

Публикация «Восточной легенды» Н. К. Рериха в газете «Абакан» произошла в два этапа. Почему? История такова.

В августе 1995 года произведение сопровождалось послесловием.

ОГНЯМИ СЕРДЦА

Рерих-литератор и Рерих-художник начинались одновременно — в гимназические годы. До наших дней сохранились рисунки 1885-1890 годов, сделанные рукой будущего всемирно известного мастера в семейном имении Извара. Это не только бытовые наброски — «Лошадь», «Головы птиц», «Извара», но и предвосхищающий дальнейшую тематику — «Дракон в полёте».

Стихи, написанные в тринадцать-четырнадцать лет, объединённые в рукописный сборник, хранящийся в Третьяковской галерее, также содержат темы и сюжеты, разрабатываемые впоследствии на протяжении всей жизни: «По бурным волнам океана», «Битва», отрывок из поэмы «Корсар», «Песнь ушкуйника», «Блестает поле Куликово», «Поход Игоря»...

В эти же годы появляются прозаические опыты, отражающие охотничьи увлечения гимназиста, его общение с природой. На этом пути Рериха ждали первые вехи общественного признания — его литературные миниатюры печатаются в петербургских периодических изданиях — «Охотничья газета», «Русский охотник», «Звезда».

Не случайно, видимо, отсчёт своей творческой деятельности Николай Константинович вёл от 10 декабря 1890 года, когда до первой общепризнанной картины «Гонец» оставалось ещё семь лет.

Этот литературный ручеек к концу жизненного пути Рериха превратился в полноводный поток, не вычерпанный издателями до сегодняшних дней. И это несмотря на то, что только при жизни Н. К. Рериха (1874-1947) вышли тридцать книг, включающих археологические отчёты, стихи, повести, очерки, сказки, притчи, путевые записки.

Только что в Международном Центре Рерихов в Москве вышел в свет первый том «Листов дневника», содержащий 266 очерков, написанных, в основном, в 1934-1935 годах во время последней, Маньчжуро-Монгольской экспедиции. Прекрасно изданная книга включает в себя первую подборку, сгруппированную самим автором. На очереди выпуск ещё двух подборок — «Моя жизнь. Листы дневника» (92 и 659 очерков).

Но даже с изданием этого основного, неизвестного пока, литературного наследия Н. К. исследователей ждёт ещё немало открытий. Сегодня читатели «Абакана» имели возможность познакомиться с впервые публикуемым произведением Н. К. Рериха «Восточная легенда».

В моём архиве, посвящённом жизни и творчеству семьи Рерихов, находятся 57 авторизованных машинописных произведений Николая Константиновича. В основном, это «Листы дневника», продиктованные им во время последней экспедиции, а также «Восточная легенда», эссе «АУМ», «О дерзновении». Читателям будет небезынтересно узнать, каким образом они оказались в моём распоряжении, в Абакане...

В апреле 1934 года Николай Константинович прибывает в Харбин. Здесь он формирует экспедицию по поиску и сбору засухоустойчивых трав, способных предотвращать эрозию почв. Здесь, в городе, построенном русскими строителями Китайско-Восточной железной дороги, переполненном выходцами из России, в среде почитателей творчества художника, мыслителя, общественного деятеля возникает содружество имени Н. К. Рериха (в 30-е годы в странах мира действовало около ста таких обществ). Сюда с маршрутов экспедиции, а впоследствии из Индии, где жил художник, посылались письма, «Листы дневника», литературно-философские произведения.

«Структура нашего коллектива, — вспоминал один из участников Содружества Альфред Петрович Хейдок, — была примечательна тем, что в нём не проводилось никаких выборов, не было ни председателя, ни казначея, ни членских взносов. И тем не менее, собрания наши проводились с завидной аккуратностью. После отъезда Николая Константиновича из Харбина оно просуществовало долгие годы, пока его члены, ведомые различными судьбами, не разъехались по белу свету» (Альфред Хейдок. Память сердца. — В сб. «Держава Рериха». — М., 1993, с. 35).

Судьба привела в Новосибирск Наталью Дмитриевну Спирину, где я познакомился с ней в середине 70-х годов. Тогда я разыскивал бывшего харбинца Николая Васильевича Грамматчикова, участника той самой Маньчжуро-Монгольской экспедиции Н. К. Через Наталью Дмитриевну я вышел на её харбинскую «содружницу» Зинаиду Николаевну Чунихину, а затем познакомился с Н. В. Грамматчиковым. Оказалось, что после отъезда из Харбина они поселились... в Черногорске! О Николае Васильевиче, его воспоминаниях о Н. К., с которым он провёл в экспедиции почти год, рассказ впереди. (Сведения, которыми он делился со мной в переписке, встречах, пока использованы лишь в моём очерке «Для своего, для русского народа», опубликованном в «Советской Хакасии» 11 февраля 1979 года, в предисловии вице-президента Международного Центра Рерихов, директора Музея имени Н. К. Рериха Людмилы Васильевны Шапошниковой к упомянутому первому тому «Листов дневника».)

Зинаиде Николаевне с большими предосторожностями (дело происходило в середине 50-х годов, когда, несмотря на «оттепель», позволившую немалому числу русских вернуться из Китая на родину, отношение к ним было в определённой степени настороженное) сумела привезти в Советский Союз дорогие её сердцу издания книг «Живой Этики», сборников произведений Н.

К., копии не публиковавшихся писем Елены Ивановны Рерих, подлинники «Листов дневника», а также «Восточную легенду», и эссе «АУМ» и «О дерзновении».

До конца своих земных дней она находила в них утешение своей одинокой старости, а затем, согласно её желанию, рериховские раритеты перешли ко мне.

С выходом в свет издания Международного Центра Рериха эти «Листы дневника» опубликованы. Однако упомянутые выше три произведения пока ещё не известны исследователям творчества Н. К. Более того, они даже не включены в списки литературного наследия замечательного художника, составленные П. Ф. Беликовым в 1968 и Д. Н. Поповым в 1993 годах. Сегодняшняя публикация в «Абакане», следовательно, вводит в литературный обиход одно из последних художественных произведений Н. К., написанных им в жанре притчи.

Жанр этот был близок Рериху-литератору с юных лет. «Восточная легенда» напоминает нам об общечеловеческих ценностях, о том, что у человека, лелеющего самость, с безразличием относящегося к ближним своим, видящего в них лишь средство для собственного возвышения, любые, самые высокие духовные накопления «каменеют». Жанр притчи, легенды избран Рерихом потому, что читая их: «молодёжь научится мечтать, — писал он, — это великое качество, ибо оно наполняет сердце лучшими, мощными огнями. Этими огнями сердца молодёжь познаёт, как различать, где истина... Легенда, которая освобождает нас от подавляющих условий каждодневной рутины, обновляет наше мышление, позволяет погрузиться в новые глубокие знания, полные неисчерпаемого молодого задора» (Н. К. Рерих. Держава Света. — Нью-Йорк, с. 86-87).

***

После этой публикации в августе я послал номер газеты Н. Д. Спириной в Новосибирск, где к тому времени газета «Перед восходом» стала выходить в цветном исполнении. 9 сентября 1995 года я писал:

«...Веду в газете “Абакан” страничку “Рериховские университеты”. Кое-что печатаю (посылаю Вам две публикации). По республиканскому радио прошла моя передача, посвящённая 60-летию окончания последней экспедиции Н. К., основанная на воспоминаниях Н. В. Грамматчикова. Кстати, когда Вы предложили мне сделать материал на их основе. Кажется, сейчас пришло время и, если предложение остается в силе, готов послать Вам такой материал для публикации... Конечно, все восхищены изданием “Перед восходом” в этом году. Яркий сплав прекрасных картин и вдохновенных текстов. Кроме Ваших статей обратил внимание на капитальную статью Л. Цесюлевича. Он писал мне, что также доволен публикацией у Вас. Если могу рассчитывать на место для рассказа об экспедиции 1934-1935 годов на основе впервые публикуемых источников, буду рад выполнить эту работу. 24 сентября — день окончания экспедиции (Н. К. и Ю. Н. уезжают из Шанхая в Кулу). Думаю, что и публикация в “Перед восходом” “Восточной легенды” с

исправленным послесловием дала бы широкому читателю-рерихолобу великолепное философское произведение Н. К. Я жалею, что сразу не предложил её Вам. Но уверен, что публикация в провинциальной газете не может воспрепятствовать этому. Ведь “Восточная легенда” — прекрасный урок современным лжеучителям и “посвящённым”. Был бы очень рад, если бы Вы приняли мое предложение. Также готов предложить для публикации впервые “АУМ”, “О дерзновении”, “Сознание красоты спасёт”, полный текст “Толстой и Тагор”. Как Вы понимаете — это от З. Н. Чунихиной...»

21 сентября 1995 года пришел ответ с хорошо знакомой подписью Н. Д. Спириной:

«Спасибо за письмо и присланные газеты. Ваша статья на основе воспоминаний Н. В. Грамматчикова была бы интересна для нашей газеты... “Восточная легенда”, которую Вы упоминаете, уже публиковалась в нашей газете с тем окончанием, которого в Вашей газете нет (этот номер газеты прилагаем). Мы публиковали её без фамилии, потому что нам неизвестен был автор. Мы хотели бы знать, откуда Вам известно, что она принадлежит Н. К. Рериху. Мы были бы признательны, если бы Вы прислали упомянутые статьи Н. К. для ознакомления, но нам надо уточнить, имеем ли мы право для их опубликования...».

В присланной мне газете Сибирского Рериховского общества «Перед восходом» (1994, № 3, с. 3) «Восточная легенда» имела другое окончание. А текстологическое различие заключалось в том, что если в подлиннике моего архива было напечатано: «ему нельзя было дать больше 60-ти», то в копии из архива Н. Д. Спириной (или в редакторской обработке при публикации) — «ему нельзя было дать больше шестидесяти».

В ответ 7 октября 1995 года я писал:

«...Теперь, что касается “Восточной легенды”. Прежде всего напомним, что в Ак-городке я получил историческое образование, где мы изучали, в т. ч., методы определения подлинности и характера документов. 1) Подлинность и принадлежность Н. К-чу произведений, завещанных мне З. Н. Чунихиной, несомненна; 2) по внешним признакам (бумага, шрифт, скрепление) они делятся на две группы — присланные из экспедиции и из Индии; 3) ко второй группе относится “Восточная легенда” — отпечатанная полностью идентично произведениям Н. К. “Александр Бенуа”, “Толстой и Тагор”, “Оттуда”, “Глаз верный” и др. Трудно предположить, что «Восточная легенда» была подложена из другого источника. Я уж не говорю, что по стилю и духу это, конечно, Н. К. Но прежде всего меня убеждает идентичность машинописной рукописи “Восточной легенды” другим пр-ниям Н. К., находящимся у меня. А что касается окончания, то, видимо, 4-ый лист был утрачен. Можете быть уверены — “Восточная легенда” принадлежит Н. К-чу... Что касается публикаций “впервые” — “не впервые”, то сейчас это (что показал наш случай, в частности) представляется проблематичным. Действительно, в стране столько изданий и центров (и прекрасно!). Приоритет трудно проследить...».

Возражений не последовало.

В октябре в газете «Абакан» в очередном выпуске тематической страницы «Рериховские университеты» была опубликована колонка:

«В дополнение к напечатанному
“ВОСТОЧНАЯ ЛЕГЕНДА”

15 августа в “Абакане” была опубликована “Восточная легенда” Н. К. Рериха. Как сообщила мне почётный председатель Сибирского Рериховского общества Н. Д. Спирина, существует другой вариант окончания этого произведения. Напомню, что “Восточная легенда” рассказывает об одном из Мудрых, Саранайе Мозоре, который устал давать мудрейшие советы и захотел быстрее попасть в Обитель Высших. Дважды ему было отказано, а когда, как ему показалось, он был призван, то очутился в странном состоянии. Прошли века, прежде чем он понял:

“Он понял — почему его не призывали; понял причину, побуждавшую его стучаться в Обитель Величайших, и понял, почему ему отвечали, что он ещё не готов. И понял он, почему его прошлая работа ничего не стоила, ибо им руководила только гордость. Он считал себя выше всех братьев; он смирял себя перед ними, но он не любил их своим сердцем, и единственной его целью было личное самосовершенствование и честолюбие, но не Любовь. И вот это-то отсутствие в нём Любви и Сердца и непомерная гордость его и низвергли его на самую низшую ступень в шкале Мироздания.

Он понял молчание... Он понял неподвижность и мрак...

Он был превращён — в камень...”

Так заканчивалась наша публикация.

Но вот другой вариант — продолжение:

“Это осознание пробудило в нём чувство острого страдания и раскаяния. И по мере того, как уходили столетия, эти чувства в нём возрастали. С радостью вернулся бы он к своей прежней жизни, чтоб иметь возможность доказать своё раскаяние и покорность. Но холод сковывал его движения. А окаменелость и пассивность его новой формы бытия давали доступ только его собственным грубым и печальным мыслям.

Наконец его раскаяние достигло таких размеров, что он вдруг почувствовал облегчение и заплакал...

В тот день, один бедный пастух, немой от рождения, пас своих овец на склоне Гималаев среди безводной и скалистой местности. Он был свидетелем чуда. Огромная скала, без признака какой-либо на ней растительности, вдруг раскололась надвое, и из трещины её заструился прозрачный и чистый родник. Поражённый пастух, подойдя к источнику, выпил воды и немедленно обрёл дар речи. Он побежал в деревню и всем, кто хотел слушать, он рассказывал о свершившемся чуде. С того дня бесчисленное множество странников идут к этому чудесному источнику, дающему всем, кто верит, чудесное исцеление недугов и меру Божественной Благодати”.

На мой взгляд, в этом варианте красив заключительный аккорд. Красив и логичен. Но кардинально он не меняет сути произведения. Ведь идея его в предупреждении всем земным “учителям” и “пророкам”, что, повторю: “У человека, лелеющего самость, с безразличием относящегося к ближним сво-

им, видящего в них лишь средство для собственного возвышения, любые, самые высокие духовные накопления “каменеют”».

Публикуется по: Газета «Абакан». — 1995. — 15 августа. — №№ 123-124 (553-554); Газета «Абакан». — 1995. — 25 октября. — №№ 171-172 (601-602).

***

К тому, что написано было и опубликовано двадцать лет назад, небольшое добавление.

«Восточная легенда» стоит в ряду прежних сказок, легенд, стихотворений, преданий — «Детская сказка», «Гримр-викинг», «К ним», «Вождь», «Старинный совет», «Девассари Абунту», «Лаухми Победительница», «Риши»... Но нельзя не учитывать, что за образом Саранайи Мозора стоит личный опыт Махариши Рериха гималайской долины Кулу. В этом произведении в яркой художественной форме отразились размышления великого художника и гуманиста, перешагнувшего шестидесятилетний рубеж своей жизни: о самосовершенствовании и честолюбии, о гордости, раскаянии и страдании... О путях, ведущих к появлению источника, дающего «всем, кто верит, чудесное исцеление и меру Божественной Благодати».

SUMMARY

A collection of articles on the life and work of the painter, thinker and humanist of N. Roerich and his staff of Harbin phase (1934-1935 years), then the inhabitants of Khakassia. For the first time published memoirs of a participant of the expedition of N. Roerich Nikolay Grammatchikova in letters to A. Annenko. Annex — "Oriental legend" by the N. Roerich, published in 1995, in Abakan. For a wide range of readers.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕРИХОВСКАЯ МЕЛОДИЯ.....	5
«ДЛЯ СВОЕГО, ДЛЯ РУССКОГО НАРОДА...»	7
С РЕРИХАМИ, В ЭКСПЕДИЦИИ.....	11
ВОСПОМИНАНИЯ Н. В. ГРАММАТЧИКОВА.....	17
СОДРУЖНИЦА ИЗ ЧЕРНОГОРСКА.....	28
Приложение	
Н. К. Рерих. ВОСТОЧНАЯ ЛЕГЕНДА.....	31
ЗАГАДКА «ВОСТОЧНОЙ ЛЕГНДЫ».....	34

Научно-популярное издание

**Алексей Николаевич
Анненко**

С РЕРИХАМИ, В ЭКСПЕДИЦИИ

Редактор Е. А. Мороков
Верстка, допечатная подготовка, обложка
А. Н. Пинегин
Корректор И. Г. Иванов

Отзывы об этой книге и пожелания
khronograf@mail.ru

Подписано к печати 12.04.2015 г. Формат 60х90 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Усл.-печ. л. 2,5

ООО «Книжное издательство “Бригантина”»
Св-во № 1051901115200 от 22.12.2005
655017 Республика Хакасия,
г. Абакан, ул. Промышленная, 31

А. Н. Анненко (Абакан) закончил Новосибирский государственный университет в Академгородке (квалификация — историк). Член Союза журналистов СССР, России, член Русского Географического общества. Лауреат всероссийских и республиканских конкурсов журналистского мастерства. Участник международных и всероссийских научных конференций. Автор книг. Многолетний исследователь творческого наследия Н. К. Рериха и его семьи; редактор-составитель книг «Странник Державы Рериха», Н. К. Рерих. "Дерзайте!", автор исследования «Рерих и его предки. История одной легенды».

